ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

КАРДОНИЙСКАЯ РУЛЕТКА

Герметикон

Вадим Панов

Кардонийская рулетка

«Эксмо»
«Панов Вадим»
2012

Панов В. Ю.

Кардонийская рулетка / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2012 — (Герметикон)

ISBN 978-5-699-58303-4

Они парят в бескрайней Пустоте, и только цеппели соединяют их… Миры Герметикона. Зажиточные и бедные, сверкающие и провинциальные, и среди них – богатая Кардония, бриллиант чистой воды. Таких планет мало, они независимы и сильны, но у них есть беспощадный враг – Компания, стремящаяся к господству над Герметиконом и не брезгующая никакими средствами на пути к своей цели. Компания поставила Кардонийскую конфедерацию на грань гражданской войны, в разгорающийся конфликт оказались втянуты самые разные силы, и эмиссаром одной из сторон стал знаменитый путешественник Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур. И пусть он прикован к инвалидному креслу, навыки бамбадао и острый ум никуда не делись. Впрочем, как и скверный характер.

ISBN 978-5-699-58303-4

© Панов В. Ю., 2012
© Эксмо, 2012
© Панов Вадим, 2012

Содержание

Пролог 5
Глава 1 11
Глава 2 34
Глава 3 59
Глава 4 87
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Вадим Панов
Кардонийская рулетка

– Внутри каждого человека борются два волка, – негромко произнес старик. – Один волк – черный, это зависть, ревность, эгоизм, амбиции, ложь. Второй волк – белый, это мир, любовь, надежда, истина, доброта и верность.

– И какой волк побеждает? – тихо спросил мальчик.

– Тот, которого ты кормишь.

Индейская притча

Пролог
в котором Гатов, Дагомаро и Бааламестре занимаются географией

Спросите у любого цепаря, что есть Кардония, и вы услышите: Банир. Задайте тот же вопрос любому кардонийцу – и услышите: Банир. Если вы никогда не бывали на этой планете, то наверняка удивитесь столь редкому единодушию, но если вам доводилось посещать Кардонию, то задавать дурацкие вопросы не станете, потому что ответ известен: Банир.

Банирский океан, покрывающий четыре пятых мира, разделяющий его и объединяющий. Ужасающий зимой и добродушный летом. Дарующий пищу, а значит – жизнь, и знаменитые хологаны – холодные ураганы, а значит – смерть. Все это – Банир.

Огромный кардонийский океан не считался излишне спокойным. Моряки и летчики обожают рассказывать о его яростном характере, о зимних штормах и безумных, но, к счастью, довольно редких хологанах, во время которых многометровые волны злобно таранят берега, и еще рассказывают о том, как тяжело приходится отчаянно храбрым летчикам и морякам. Яркие истории безотказно действуют на впечатлительных женщин, превращая моряков и летчиков в бесстрашных героев, бросающих вызов неукротимому Баниру, и в девяти случаях из десяти награждают рассказчика желанной взаимностью, но… Но хитрые моряки и летчики «забывают» уточнить, что бесится океан исключительно зимой, а все остальное время покойно дремлет, изредка всхрапывая легким штормом.

Вот и сейчас, в самой середине весны, Банир был настроен миролюбиво. Его синие волны лениво бежали к горизонту и совсем не расстраивались, если недоставало сил нырнуть за него. Редкие облака – белые мазки на нежной лазури – не предвещали даже слабой бури, и серебристый цеппель «Ушерский лев» – яхта консула Дагомаро – плавно шел в половине лиги над океаном. Собственно, управляющие цеппелем люди и не рискнули бы отправиться в дальний поход – а ближайший порт остался в тысяче лиг к юго-западу – в другую погоду. Но вовсе не потому, что «Лев» был плохим, – цеппель считался одним из самых надежных в Герметиконе, – просто в настоящий момент команда яхты состояла из трех человек вместо положенных двадцати. Особенных трудностей это обстоятельство не вызывало: идеально продуманное устройство позволяло совершать путешествия даже со столь усеченным экипажем, но только в благоприятных условиях, в те дни, когда Банир добр.

– Далеко еще?

– Нет.

– То же самое ты говорил вчера вечером.

– Я немного ошибся.

– Ты ошибся?

Неподдельное изумление собеседника заставило стоящего за штурвалом мужчину улыбнуться. Едва заметно. Краешками губ.

– Ладно, не ошибся. Я решил, что следует пройти еще пятьсот лиг. Тут есть острова…

– У них имеются названия?

– Не придумали.

– Забавно.

– Отправь сюда экспедицию.

На капитанском мостике «Льва» находилась большая часть экипажа. За штурвалом стоял Павел Гатов – невысокий, жилистый мужчина, одетый в черные штаны с накладными карманами, цепарские ботинки и грубый серый свитер с капюшоном. Лицо Гатов имел узкое, немного вытянутое, плавно стекающее к маленькому подбородку, неказистость которого прикрывалась аккуратно подстриженной бородкой. Ее идеальная форма абсолютно не гармонировала с пребывающей в полном беспорядке прической: Павел частенько проводил по голове правой рукой, и потому его короткие черные волосы всегда торчали в стороны. В левом ухе Гатов носил золотую серьгу – безыскусное колечко, помогающее, по мнению цепарей, избегать Знаков Пустоты, а на запястьях – простенькие дешевые браслеты: бусины, цветные веревочки и кожаные ремешки. Кроме того, руки Гатова покрывали многочисленные татуировки, что придавало ему заправский вид профессионального цепаря.

Вот только ни один цепарь Герметикона не имел за плечами двух оконченных с отличием Академий и звания магистра по двум наукам.

Собеседником Павла выступал сам Винчер Дагомаро, консул Ушера, один из богатейших людей Кардонии. И вот в его внешнем виде не было ничего легкомысленного или цепарского. Несмотря на то что на борту находились лишь близкие люди, можно сказать – друзья, Дагомаро не расслаблялся и не изменял себе, он поднялся на мостик, облаченный в наглухо застегнутый пиджак с воротником-стойкой, в идеально отутюженные брюки и такие блестящие туфли, что их можно было использовать в качестве зеркала. А единственным украшением, которое позволял себе Винчер, был золотой значок консула Ушера на левой стороне груди. Как именно Дагомаро ухитрялся сохранять привычный лоск в отсутствие слуг, Павел не спрашивал, но предполагал, что консул заранее позаботился о достаточном количестве одежды.

Голову рано облысевший Винчер брил, однако волос у него хватало: густые рыжие брови над глубоко запавшими глазами и длинный, до груди, узкий клин знаменитой на всю Кардонию рыжей с проседью бороды. Впавшие щеки, длинный нос, огонь во взгляде – лицом Дагомаро походил на религиозного фанатика, однако религией консула была политика.

– То есть мы на краю мира.

– Чуть дальше, Винчер, чуть дальше. Мы пересекли Правую Хорду шесть часов назад.

А значит, удалились не только от оживленных торговых путей, но и от всех известных точек перехода. Правая Хорда – почти прямая цепочка необитаемых островов – считалась восточной границей заселенных земель Кардонии, и забирались за нее лишь редкие исследовательские экспедиции.

– Зачем так далеко? Аргументируй!

– Не люблю заниматься своими делами у всех на виду.

– Мы договорились провести испытание на севере Правой Хорды. Там полно никому не нужных островов.

– Предлагаешь вернуться?

– Павел! – Это был не окрик – Дагомаро никогда не позволял себе низводить Гатова до положения слуги или наемного работника, восклицание демонстрировало сдержанное неудовольствие. Консул показал другу, что его следовало заранее известить об изменении планов.

– Правая Хорда подробно описана, все ее острова нанесены на карты, – «аргументировал» свою позицию Гатов. – Лишние пятьсот лиг дали нам гарантию сохранения тайны.

– Допустим, – помолчав, произнес Дагомаро, без приязни разглядывая появившиеся на горизонте земли. – Допустим…

И прекратил спор, поскольку сам ратовал за строжайшую секретность испытаний.

Местные «земли», к которым стремился «Лев», представляли собой скопление необитаемых клочков суши: от совсем крошечных, больше похожих на отмели, до больших – 5–6 лиг в поперечнике – островов, поросших чахлой растительностью. Но до центра группы, где возвышался Корявый вулкан, единственная описанная картографами гора малюсенького архипелага, яхта не добралась – Гатов плавно повернул цеппель и распорядился в переговорную трубу:

– Каронимо, стоп машина.

– Есть! – отозвался находящийся у кузеля Бааламестре. – Прибыли?

– Да.

Примерно через минуту винты перестали крутиться, и теперь к стоящему в отдалении от собратьев острову цеппель вели инерция и слабый попутный ветер.

– Волнуешься?

– А ты? – вопросом на вопрос ответил консул.

– Немного, – признался Павел, – но только потому, что мне предстоит небольшое путешествие вниз.

– Только поэтому?

– Да. – Гатов помолчал и добавил: – Во всем остальном я уверен.

– Мы запороли три испытания, – напомнил консул.

– Именно поэтому я спокоен, Винчер, – больше ошибок не будет.

В голосе ученого прозвучала грусть. Однако Дагомаро не услышал ее.

– Надеюсь.

Важный груз, который тащил в далекое путешествие «Ушерский лев», прятался в стандартном металлическом контейнере, стоящем на закрепленной в двадцати метрах под пузом цеппеля платформе. В крыше контейнера располагался люк, из гондолы к нему вела веревочная лестница, и именно об этом «небольшом путешествии вниз» говорил Гатов: Павлу предстояло спуститься и выставить скрытую в чреве контейнера бомбу на боевой взвод.

– Выпьешь? – Дагомаро протянул Гатову флягу с коньяком. – За бортом холодно.

– Сначала бабахнем, – буркнул тот, натягивая теплую цапу.

– Хорошо, – покладисто согласился консул. – Сначала бабахнем.

Однако сам к фляге приложился, и этот жест показал ученому, что нервы Дагомаро на пределе. Но беспокоила Винчера не возможная неудача, а риск, которому они подвергались: кому понравится сидеть на пороховой бочке, к которой похожий на цепаря ученый собирается поднести зажженный фитиль?

– Ты уж там аккуратнее.

– Возможно, ты удивишься, но я тоже хочу жить, – хмыкнул Гатов, застегивая кожаный шлем.

– Я ничего не пропустил? – Каронимо Бааламестре появился в тот самый момент, когда Павел готовился открыть люк. Бросил быстрый взгляд на флягу в руке Винчера, затем оглядел друга и топнул ногой: – Так и знал, что забудешь! – Рядом с люком валялся широкий кожаный пояс, к которому крепился конец страховочного троса. – Надевай немедленно!

– Я еще не спускаюсь.

– Все равно!

– Кар прав. – Консул вновь глотнул коньяка. – Пристегнись, если действительно хочешь жить.

– Ладно, ладно.

Гатов взялся за пояс, а распахнувший люк Бааламестре скривился:

– Хнявый мерин!

Ослабленная лестница трепыхалась на ветру, обещая Павлу весьма и весьма нелегкое путешествие.

– Натяни, – посоветовал Дагомаро.

– Знаю.

Каронимо взялся за блок, пытаясь придать веревочной дороге друга хоть какую-то твердость, а надевший перчатки Гатов глубоко вздохнул:

– Я знал, что мне придется это делать. – Потому что лететь со взведенной бомбой никто не хотел, а как выставить ее на готовность, знал только изобретатель. – Никуда не уходите.

И следующие полчаса стали самыми длинными в жизни Дагомаро и Бааламестре. Сначала прилипшие к люку мужчины напряженно следили за спускающимся к контейнеру Гатовым. Затем и вовсе затаили дыхание – когда Павел ступил на раскачивающийся контейнер, – а еще через несколько мгновений Каронимо выругался – открывающий люк ученый едва не потерял равновесие. Но это были единственные слова, произнесенные за все тридцать минут. Исчезновение Гатова в чреве контейнера, то есть начало самой опасной части «небольшого путешествия вниз», Дагомаро отметил большим глотком коньяка, но дальше сдерживался и в следующий раз вернулся к фляге, лишь когда Павел поднялся в гондолу.

– Получилось?

– Да.

– Молодец! – Бааламестре опустил крышку люка и похлопал друга по плечу.

– Дайте выпить! – Гатов жадно хлебнул коньяка, подошел к лобовому окну, оценил расстояние и вздохнул: – Как по заказу.

Дрейф получился удачным: легкий ветерок приблизил цеппель к небольшому, примерно две лиги в поперечнике, острову, напоминающему черно-белую кляксу – камни и песок – на синей груди Банира.

– Хорошая мишень, – заметил Дагомаро, но Павел не ответил.

– Каронимо, давай в кузель и полный вперед.

– Я хочу посмотреть. – Бааламестре обиженно надул губы.

– А я хочу выжить, – грубовато бросил Гатов. – Дай полный вперед и бегом обратно. Если поторопишься – успеешь.

– Хнявый мерин…

Каронимо пулей вылетел с мостика, прогромыхал по коридору, и через несколько минут вздрогнувший цеппель принялся быстро набирать скорость. Стоящий у штурвала Гатов переложил рули высоты, поднимая «Льва» выше, и вздохнул:

– Если у нас получится, нужно быть как можно – дальше.

С оставшимся расстоянием повезло – к выходу на рубеж атаки цеппель успел подняться на полторы лиги, и Павлу уже следовало надавить на рычаг, раскрывая удерживающие платформу захваты, однако ученый – медлил.

– Только бы получилось, – пробормотал стоящий рядом Винчер.

Консул не понял, чем вызвана задержка, предполагал, что Гатов выбирает подходящий момент, и сильно удивился, услышав неожиданный вопрос:

– А что будет, если получится?

– Как это – что? – опешил Дагомаро. – Мы…

– Мы изменим ход истории.

– И спасем тысячи жизней.

– Не уверен.

Нахмурившийся Дагомаро убрал флягу в карман и пристально посмотрел на Павла:

– Ты работал над проектом два года. Дольше, чем над любым другим изобретением.

– Идея меня увлекла, – тихо ответил Гатов.

– Что изменилось?

– Теперь я ее боюсь.

И консул понял, что впервые в жизни видит в глазах ученого боль. Радость видел, и видел часто, когда получалось задуманное. Злость видел, раздражение – в тех случаях, когда Гатов ошибался на пути к цели. Скуку видел, но боль – никогда.

И реагировать следовало не так, как обычно.

– Мы должны это сделать, Павел, – проникновенно произнес Винчер. – Ты знаешь, что должны.

– А если снова не получится?

– Тогда…

– Тогда мы прекратим исследования, ладно? – перебил консула Гатов. – Прекратим?

Отступать Дагомаро не умел, но дикая боль во взгляде ученого заставила Винчера изменить принципам:

– Ты этого хочешь?

– Я стал бояться того, что придумал, – повторил Гатов. – Да, я этого хочу.

– Значит, так будет, – кивнул Дагомаро. – Даю – слово.

– Вы уже начали? – осведомился влетевший на мостик Бааламестре.

– Договорились, – прошептал Павел, надавливая на рычаг.

И цеппель, освободившийся от тяжеленного груза, устремился вверх. Вверх и вперед, куда его толкали работающие на полную мощь двигатели. Винчер и Бааламестре бросились к окнам, внимательно следя за падающим на остров контейнером, а Гатов крепко ухватился за штурвал и громко произнес:

– Удар о землю приведет в действие детонатор, прозвучит первый взрыв, обычный. Вряд ли мы его увидим, вряд ли поймем, что он был, но именно он запустит реакцию. И следом…

Усиленный контейнер врезался в остров, смялся, прокатился вперед и замер, словно тоже ждал продолжения. Две секунды, два удара сердца ничего не происходило, а затем…

– Святая Марта, – прошептал Дагомаро.

– Хнявый мерин…

– Дерьмо, – глухо закончил Гатов.

Потому что затем, примерно через две секунды после удара о землю, случилось немыслимое.

Невозможное.

Невероятное.

Остров приподнялся… Нет! Начал приподниматься… Нет, не остров… Не только он… И не сразу. Сразу явился огненный шар. Появился на том самом месте, где был остров. Огромный и продолжающий расти огненный шар, сжигающий все на своем пути. А уже затем песок, вода и камни вдруг устремились вверх, словно посланные разъяренным Баниром догнать и поквитаться с теми, кто нарушил его покой. Вперед, вверх, в стороны, во все стороны сразу – песок, вода, камни, все полетело с ужасающей скоростью. Но не быстрее…

– Держитесь!

Ударная волна успела раньше. Играючи подхватила трехсотметровый цеппель, развернула, намереваясь превратить в игрушку, и лишь хладнокровие стоящего за штурвалом Гатова позволило «Льву» удержаться на курсе.

– Павел!

– Дерьмо!

– Держитесь!

– Хнявый мерин!

– Мы падаем!

– Дерьмо!

Болтанка длилась несколько секунд – целую вечность, и на ногах сумел остаться только Гатов. Яхта заскрипела, Бааламестре швырнуло на стекло, Дагомаро врезался в приборную стойку, рассадил голову, но едва цеппель перестало трясти, и Винчер и Каронимо вернулись к окну.

– Что?

– Что там?!

Но не увидели ничего. Ровным счетом ничего, потому что острова больше не было. Исчез, растворился, а там, где только что расплывалась черно-белая клякса, бесился Банир. Да поднималось к небу серое облако.

– Чтоб меня пинком через колено, – шумно выдохнул Каронимо. – Павел, хнявый ты мерин, ты хоть понимаешь, что у тебя получилось? Ты понимаешь, насколько велик?

– И что теперь ты можешь просить у меня все, чего хочешь? – добавил Дагомаро.

И услышал печальное:

– Больше всего я хочу, чтобы ты обо всем забыл.

Глава 1
в которой Помпилио недоволен, Кира спасает людей, а Мерса узнает много нового

«Вам знакомо значение слова «захолустье»? Вы понимаете его смысл? Нет? Вам крупно повезло. А вот мне…

Вы когда-нибудь бывали в городишке, уклад жизни которого не менялся веками? Нет, вы не поняли – только уклад. Сам город за прошедшие столетия постарался облагородиться: жители протащили в дома электричество, устроили центральный водопровод и канализацию, в современный порт приходят паровые суда, а рядом с вокзалом расположена специальная площадка для паротягов. Почему рядом с вокзалом? Потому что он в километре от городской черты – чтобы не мешать людям спать. И по той же причине паротягам запрещено въезжать на узкие улицы Даген Тура. А еще потому, что здоровенные машины могут повредить булыжные мостовые. Уловили? Помните, я говорил об укладе, чтоб меня в алкагест окунуло? Паротягам в город нельзя, новомодным автомобилям тоже, да их тут и нет, зато полным-полно скрипучих пролеток и телег, водители которых обязаны убирать закономерно появляющийся время от времени навоз. Слышали? Обязаны убирать, чтоб меня в алкагест окунуло. Штраф – цехин. Этот закон местные приняли четыреста двадцать три года назад и весьма им гордятся. Они гордятся всем, что имеет выдержку от ста лет и выше. «Наша ратуша – ровесница города. Ее дважды перестраивали, а во время Первой войны за Дагенские берега разрушили до основания. Но мы ее восстановили по старым чертежам…» Услышать такое в первый раз было забавно, но когда я понял, что подобное можно запросто рассказать о большинстве городских зданий, то впал в глухую тоску. История лучшей харчевни – словечко «ресторан» среди местных не прижилось – насчитывает шестьсот семьдесят четыре года, а раньше на ее месте стояла общественная конюшня. Нет, харчевню возводили по другим чертежам, чтоб их в алкагест окунуло, но с тех пор не перестраивали. А о конюшне все помнят. Конечно! Ее ведь только что снесли! Вокзалу двести двадцать лет, и он считается новостройкой. Уловили? А Доброго Маркуса здесь поминают так, словно он топтал эти булыжные мостовые вчера, а не тысячу лет назад.

Другими словами, город Даген Тур может по праву считаться образцом патриархального лингийского захолустья, а потому нормально здесь себя чувствуют только патриот своей родины Бедокур да Бабарский, которого несколько лет назад тут хотели повесить, но мессер попросил за своего будущего суперкарго и местные передумали. С тех пор ИХ испытывает к Даген Туру необычайно теплые чувства и раскланивается со всеми встречными. Не удивлюсь, если он действительно знает всех жителей: у Бабарского отличная память.

О чем я забыл упомянуть? Правильно: о соборе и замке. Без них картина не полна.

Собор Доброго Маркуса – ровесник города, разумеется, – возвышается на главной площади (угадайте, как эта площадь называется?), без особых

проблем пережил все прокатившиеся через Даген Тур междоусобицы, поскольку лингийские адигены – ревностные олгемены и скорее откусят себе что-нибудь торчащее, чем прикажут бомбить освященное здание. Местные любят рассказывать, как триста сорок лет назад сотрясение от взрывов – артиллерия дара Альберта Вальга утюжила порт – привело к появлению трещины на одной из башенок. Сразу после боя войну прервали на сутки, чтобы нанятые Альбертом строители привели собор в порядок. Дар долго извинялся.

Соборы лингийцы берегли, а вот замок – другое дело. Замок Даген Тур получал и с земли, и с воздуха, однажды был разрушен едва ли не до основания, но всякий раз возрождался и никогда – по старым чертежам. Адигены прекрасно понимают, что консерватизм и военное дело несовместимы, а потому перестраивали крепость с учетом новейших достижений в области фортификации. Я видел на фресках первую версию замка и могу с уверенностью заявить, что за прошедшие века он изменился до неузнаваемости.

Родовое логово мессера Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур располагается на одинокой скале, стоящей у отрогов лесистых гор, переполненных дичью и золотом. Линга, в принципе, богата золотом, когда-то была основным его поставщиком для Ожерелья, да и теперь здесь добывают десятую часть всего золота Герметикона, так что владение пришками для лингийского адигена вещь обыденная. Так же, как защита собственности.

Место для замка предки мессера выбрали идеально: северной частью скала нависает над водами озера Даген, что позволяет контролировать порт, а с другой стороны открывается великолепный вид на узкую Барсову тропу – долгое время она служила единственной ниточкой к золотым пришкам дер Даген Туров.

Вершину скалы строители взорвали, после чего окружили получившуюся площадку массивными стенами, продолжающими грандиозное каменное основание. К воротам, которые оказались в шестидесяти метрах над землей, ведет неширокая дорога, заканчивающаяся подвесным мостом, и замок кажется неприступным даже сейчас, во времена доминаторов, бронетягов и тяжелой артиллерии. Круглая главная башня – классический адигенский Штандарт, поднимается над стенами на добрых сорок метров, а слева от нее стоит Новинка, низкая, но выстроенная в том же стиле башенка, в которой прячется работающая на Философских Кристаллах электростанция, – резервный источник энергии.

В случае необходимости высоченный Штандарт может служить причальной мачтой – на его вершине установлены стандартные захваты, однако в этом качестве используется редко – мессеру не нравятся падающие на двор тени. И поэтому рядом с вокзалом, который, как вы уже поняли, является транспортным центром Даген Тура, мессер выстроил современную причальную мачту, а неподалеку – огромный эллинг для своего любимого «Амуша»…»

Из дневника Оливера А. Мерсы, alh. d.

– Ядреная пришпа!
– Мессер?
– Кофе слишком горячий?
– Сейчас не должно быть больно!

– Это я не тебе. – Пауза. – И не тебе. – Сидящий в резном кресле адиген, Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур, перевел тяжелый взгляд на долговязого мужчину в скромном чиновничьем сюртуке, помолчал и хмуро поинтересовался: – Как будешь оправдываться?

Долговязый съежился, насколько ему дозволялось природой, и робко произнес:

– Увы.

– Что? – скривился Помпилио.

– Увы.

А в следующий миг в зале прогрохотало:

– Я запретил сдавать в аренду Чильную пойму!

Громоподобный голос отразился от стен, высоких потолков и клинком вошел в несчастного чиновника, побелевшего и дрожащего.

– Да, мессер, – пролепетал долговязый.

– И?

– И мы ее не сдавали. Но когда…

Чиновник запнулся.

– Что «когда»? – осведомился адиген.

– Когда…

Два свидетеля разноса – медикус и дворецкий – с интересом уставились на долговязого, гадая, сумеет ли он вывернуться из ловушки, в которую сам себя загнал?

Несчастный чиновник служил управляющим, отвечал за владение Даген Тур, а значит, согласно принятым на Линге законам, считался вассалом. Со всеми вытекающими последствиями: его жизнь принадлежала владетелю.

– Когда вы… Когда считалось…

– Что я погиб? – помог долговязому Помпилио.

– Да, мессер.

– Что изменилось?

– Э-э…

– Отменить распоряжение мог только мой наследник, – холодно произнес адиген. – Брат разрешил сдать пойму в аренду?

Управляющий окончательно сник.

Братом Помпилио был дар Антонио, верховный правитель дарства Кахлес, – как можно тревожить такого человека мелким вопросом об аренде поймы?

– Как долго действуют мои распоряжения?

– Всегда, – пролепетал несчастный.

– Не слышу!

– Всегда.

– Независимо от того, жив я или нет, – продолжил Помпилио. – Иногда меня считают погибшим, такое случается, но по возвращении я хочу находить владение в полном порядке.

«Два месяца, – пронеслось в голове управляющего. – Всего два месяца…»

Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур пропал на полтора года. Пассажирский цеппель, на котором он летел с Заграты, сгинул в Пустоте, а поисковые экспедиции, что снаряжал Антонио Кахлес, результатов не дали. В конце концов Помпилио признали погибшим, а управление владением Даген Тур перешло к далекому от мелких вопросов дару. Возбужденные таким оборотом фермеры насели на управляющего с мольбами сдать завидные луга под пастбища, и он не устоял. А еще через два месяца Помпилио в буквальном смысле свалился с неба, поставив несчастного в крайне незавидное положение. Разумеется, договоры были молниеносно расторгнуты, перепуганные фермеры стремительно ликвидировали все следы своего недолгого пребывания, включая ограды, шалаши пастухов и даже навоз, но напрасно. Вчера на закате

Помпилио отправился в коляске в любимую пойму, зорким взглядом бамбальеро приметил изменения, после чего разразилась буря.

– Готов понести любое наказание, – промямлил управляющий.

– Я как раз об этом думаю.

– Любое наказание, – еще раз уточнил несчастный. Он знал, как нужно вести себя в тревожные мгновения.

– Отец частенько говорил, что хорошая порка – лучший педагог, – протянул адиген. Долговязый судорожно вздохнул. – Но я не хочу омрачать пребывание в замке такой ерундой.

Гроза миновала.

Наказывать управляющего не хотелось еще и потому, что он прекрасно справлялся с обязанностями: дела владения пребывали в полном порядке, доход неуклонно рос, и подвергать полезного человека публичному унижению было бы верхом безрассудства. К тому же Помпилио проводил в родовом гнезде не больше месяца в году, предпочитая размеренной жизни владетеля рискованные путешествия по Герметикону, и привык полагаться на долговязого вассала.

Но и оставить произошедшее без последствий дер Даген Тур не мог.

– Штраф? – негромко подсказал Теодор Валентин.

Верный камердинер, сопровождавший адигена во всех его приключениях, обладал невероятной способностью оказываться за спиной хозяина в нужную минуту.

– Правильно: наложим штраф на фермеров, накажем, так сказать, искусителей, – обрадовался найденному выходу Помпилио. А в следующий миг грозно сдвинул брови: – Но если подобное повторится…

– Никогда! – не сдержался управляющий.

– Если подобное повторится, снисхождения не будет.

– Да, мессер.

– В целом же я тобой доволен.

– Благодарю, мессер.

– Можешь идти.

Управляющий пятясь выбрался за дверь. Где-то в глубине души, в дальнем ее уголке, долговязый не верил, что будет выпорот, однако Помпилио, как и все Кахлесы, ревностно следил за исполнением своих приказов и мог счесть испоганенную пойму личным оскорблением.

– Рутина… – Помпилио потер лоб. – Она изматывает больше, чем иное сражение.

– Совершенно с вами согласен, мессер.

– Оставь, Теодор, что ты можешь об этом знать?

– Не так много, как вы, мессер.

– Вот именно.

Помпилио сделал глоток кофе и откинулся на спинку кресла, демонстрируя всю тяжесть своего положения.

Как и все мужчины рода Кахлес, владетель Даген Тура был коренаст, плотен и абсолютно лыс. Круглая голова, короткие толстые руки, короткие толстые ноги – в телосложении не было ничего царственного, однако лицо Помпилио не оставляло сомнений в том, что он адиген. И не просто адиген, а из рода даров. Выпуклый лоб, серо-стальные глаза, умеющие смотреть с невозможной надменностью, нос с горбинкой, упрямый подбородок – лицо дер Даген Тура дышало властью.

Сейчас Помпилио, облаченный лишь в тонкий, искусно расшитый золотом домашний халат, утонул в глубоком кресле, а его вытянутую правую ногу старательно массировал крепкий мужчина в белом халате – бортовой медикус «Пытливого амуша» Альваро Хасина.

– С другой стороны, жизнь следует заполнять делами, и повседневные заботы прекрасно с этим справляются, – продолжил рассуждения Помпилио. – В противном случае пришлось бы влачить жалкое существование бездельника.

– Вы совершенно правы, мессер, – согласился Валентин. – Это было бы ужасно.

– Я вижу суть вещей, Теодор. Мне дано.

– Да, мессер.

Помпилио вздохнул и вновь приложился к кофе.

Среди многочисленных помещений замка Даген Тур числились и кабинет, в котором владетель должен был заниматься делами, и обширная библиотека, вполне подходящая для той же роли, но Помпилио всегда превращал в рабочий кабинет тронный зал, расположенный на втором этаже Штандарта. Сюда сносили столы, кресла, диваны, стеллажи с книгами и, если требовалось, приборы. Помпилио нравилось огромное помещение, стены которого прорезали стрельчатые окна с мозаичными стеклами. Проходя через них, солнечные лучи окрашивались во все цвета радуги, и разноцветное смешение навевало на Помпилио приятные воспоминания из беззаботного детства.

Сделав глоток, адиген вновь откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и осведомился:

– Теодор, что творится в мире?

Помимо утреннего кофе Валентин доставил хозяину свежую корреспонденцию и текущие сплетни.

– Новости или письма?

– Начнем с писем.

Валентин взял с подноса первый конверт – дорогой, желтоватой, под мрамор, бумаги, украшенный замысловатым гербом, – вскрыл его и сообщил:

– Дар Арчибальд желает скорейшего выздоровления и приглашает к себе. Уверяет, что целебные воды подействуют на ваши раны самым благотворным образом.

– В это время года на водах действительно неплохо, – усмехнулся Помпилио. – Дядюшка Арчи писал сам или диктовал?

– Написано рукой дара от первого до последнего – слова.

– Значит, надо будет съездить… Отложи, я отвечу сам.

– Да, мессер. – Валентин взялся за следующее письмо. – Послание от адмирала дер Монти, начальника штаба воздушного флота…

– Теодор, – капризно протянул Помпилио, – я помню должность дядюшки Карла.

– Извините, мессер.

– Чего он хочет?

– Желает скорейшего выздоровления…

– Ядреная пришпа!

– Осведомляется, когда вы планируете навестить столицу? Предлагает организовать торжественный вечер в вашу честь в офицерском собрании.

– Дядюшка Карл по-прежнему обожает вечеринки.

– Да, мессер.

– Придумай в ответ что-нибудь нейтральное, Теодор, я не в настроении веселиться.

– Понимаю, мессер.

– Что-нибудь еще?

– Президент Академии Наук напоминает, что вы еще три года назад обещали прочесть лекцию в Астрологическом обществе.

– Я действительно обещал это дядюшке Тому?

– Полагаю, да, мессер.

– Надо же… – Помпилио поморщился. – Отложи, я подумаю.

– Да, мессер.

– И хватит на сегодня писем, они меня утомили.

– Да, мессер.

Дер Даген Тур скрестил на груди руки.

– Новости?

– Сегодня утром синьорина Жозефина отбыла в Маркополис.

– Это хорошо, – улыбнулся Помпилио. – Мне нравится, когда события случаются вовремя. Не раньше, не позже, а именно тогда, когда нужно. У Жозефины есть чувство такта.

– Совершенно с вами согласен, мессер.

– Она что-нибудь говорила?

– Оставила записку.

– Я ознакомлюсь с нею позже.

Синьорина Жозефина – звезда столичного полусвета, одной из первых навестила Помпилио по его возвращении в Маркополис и в ходе завязавшейся беседы согласилась полюбоваться красотами владения Даген Тур – знаменитого озера и близлежащих гор. В целом ее пребывание прошло ко взаимному удовольствию сторон, однако последние три дня Помпилио несколько тяготился присутствием гостьи.

– Синьорина Жозефина намекнула, что не прочь вернуться в Даген Тур.

– Вот уж не думал, что провинциальная архитектура произведет на нее столь сильное впечатление.

– Насколько мне известно, синьорина так и не побывала в городе.

– А что ей там делать? Кофе, кстати, замечательный.

– Благодарю, мессер.

– Через пару дней напиши Жозефине что-нибудь теплое от моего имени. И какой-нибудь подарок.

– Серьги?

– Колье. Мы замечательно провели время.

– Конечно, мессер.

– Приглашать не надо.

– Понимаю.

– Я знаю, что могу на тебя положиться, Теодор.

– Благодарю, мессер.

– Хасина, а что у тебя?

Медикус закончил массаж, поднялся, но продолжал задумчиво разглядывать украшенные безобразными шрамами ноги адигена. Услышав вопрос, он чуть поджал губы, но тут же ответил:

– Все не так плохо, мессер.

Постаравшись вложить в голос максимум жизнерадостности.

– У тебя или у меня? – уточнил Помпилио.

– В целом.

– В целом мои ноги не целые.

– Как раз наоборот, мессер, сейчас они гораздо целее, чем месяц назад.

– Месяц назад они были в гипсе.

– А сейчас мы смотрим на них и верим… – Хасина запнулся, – верим, что все будет в порядке.

– Неужели?

– А что нам остается?

Корабельный медикус «Амуша» было высок, худ и обладал удивительной формы – похожей на яйцо – головой. Сходство тем более усиливалось, что к своим сорока годам Альваро сохранил мизерное количество волос, лишь за ушами да на затылке, и все великолепие стран-

ного черепа демонстрировалось окружающим без какого-либо прикрытия: яйцо, отягощенное мясистым носом и большими ушами. Внешний вид Хасины мог вызвать смех, однако Помпилио судил о людях исключительно по делам и в медицинских вопросах доверял Альваро безоговорочно.

– Когда я смогу ходить? – Дер Даген Тур тянул с вопросом очень долго. Гипс сняли месяц назад, с тех пор адиген следовал всем инструкциям Альваро: ежедневный болезненный массаж, изнурительные упражнения, мази, горькие порошки, пилюли – месяц выдался сложным, и теперь Помпилио желал получить ответ на главный вопрос: – Когда?

– Теоретически…

– Обойдемся без словоблудия! Я смогу ходить?

– Возможно…

– Да или нет?

Отвечать на вопрос медикусу не хотелось, поэтому он рискнул перейти в контратаку:

– Вы принимаете порошки?

– Не знаю.

– Мессер принимает лекарства, – сообщил Валентин.

– Порошки, массаж, упражнения…

– Я смогу ходить?

Дер Даген Тур уставился на медикуса. Кулаки сжаты, рот слегка перекошен, глаза лихорадочно блестят – ответ был слишком важен, и адиген не скрывал чувств.

– Как раньше?

– Да.

– Сомневаюсь, – сдался Хасина.

Приговор. Теодор не сдержал вздоха. Приговор. Бамбадао превращается в калеку. Приговор. И Валентин, несмотря на то что служил Помпилио без малого двадцать лет, понятия не имел, как отреагирует хозяин на страшное известие.

– Ты забыл добавить «мне очень жаль», – после паузы произнес Помпилио.

– Мне очень жаль, мессер, – убито произнес Хасина.

– Пошел вон.

– Да, мессер.

Медикус поклонился, схватил саквояж, пиджак, сделал два шага к дверям…

– Альваро!

Хасина повернулся:

– Да, мессер?

И услышал угрюмое:

– Альваро, придумай что-нибудь.

Гордому адигену требовалась помощь. Гордый адиген просил.

– Я постараюсь, – тихо пообещал медикус.

– Иди.

Помпилио проводил Хасину тяжелым взглядом, дождался, когда закроется высокая, в два человеческих роста, дверь, и негромко произнес:

– Я хочу в кресло.

– Да, мессер.

В инвалидное кресло.

Кто мог подумать, что когда-нибудь оно пригодится самому знаменитому путешественнику Герметикона? Не в старости, а сейчас, когда Помпилио достиг самого расцвета. Кто мог подумать, что все так обернется?

Валентин помог хозяину перебраться в трон инвалидов и встал позади.

– Отвези меня к окну.

Из которого открывался великолепный вид на город. На черепичные крыши домов, ратушную башню с часами и высоченный собор Доброго Маркуса. Однако Теодор знал, что не Даген Тур разглядывает хозяин и даже не храм – чуть дальше, около вокзала, виднелись причальная мачта и огромный эллинг, в котором прятался «Пытливый амуш». И именно на эти строения был устремлен взгляд адигена. Приступы дурного настроения, что часто накатывали на Помпилио в последние месяцы, быстрее всего подавлялись видом любимых бамбад или быстроходного рейдера, пусть и спрятавшегося в своем домике. В своем замке.

– Я хочу улететь, – тихо произнес Помпилио.

– У вас есть план? – так же тихо осведомился Валентин.

– Нет. Еще не знаю.

А поскольку хозяин мог запросто отправиться куда угодно, камердинер рискнул продолжить:

– Осмелюсь напомнить, мессер, что завтра прилетает ваш брат.

– Я знаю, Теодор, – буркнул адиген. – У меня плохо с ногами, а не с головой.

– Да, мессер.

– И прекрати подсказывать, я прекрасно справляюсь.

– Да, мессер.

– И… – Помпилио замолчал, продолжая разглядывать эллинг. Ему не нужно было видеть ИР – он прекрасно помнил свой цеппель, каждую его черточку, каждую деталь и каждый установленный внутри прибор. Даже их. И еще он помнил те чувства, что дарили ему путешествия на «Пытливом амуше». – Во время моего отсутствия открывали новые миры?

– Да, мессер.

В голосе Валентина послышались радостные нотки: наконец-то хозяин заинтересовался чем-то стоящим! Не значит ли это, что Помпилио возвращается?

– Закажи в Астрологическом обществе отчеты, я хочу посмотреть.

– Второй стеллаж, мессер.

– Они здесь? – удивился дер Даген Тур.

– Я изучал все, что могло вас заинтересовать, мессер, – невозмутимо произнес Теодор. – Все время вашего отсутствия.

Все полтора года. Не зная, пригодятся ли сведения, Валентин старательно собирал их и систематизировал, надеясь, что когда-нибудь Помпилио их прочтет. Тот самый Помпилио, которого официально объявили погибшим.

– Спасибо.

– Это мой долг, мессер.

Адиген улыбнулся:

– Тогда принеси бутылочку вина, Теодор, мне тоскливо читать о чужих приключениях на трезвую голову.

* * *

– Оскару? Взыскание?!

– И предупреждение о неполном служебном, – добавил Френк. – Сегодня приказ выйдет.

– Что он натворил?

– Ты разве не слышала? – Предвкушая веселый рассказ, второй пилот радостно потер руки. – Помнишь, его крылу звено «умников» досталось?

– Конечно.

Кира скорчила гримасу: она надеялась, что пополнение придет к ней, но начштаба уважил просьбу старого приятеля, отдал новые машины ему, и девушка до сих пор досадливо морщилась, вспоминая поражение.

– Вчера вечером ребята закончили выделять машины, и Оскар отправился принимать работу.

«Выделять» на сленге паровингеров означало нанесение на фюзеляж воздушного корабля соответствующих эмблем: бригады, эскадрильи, крыла и личной метки экипажа. Первые три картинки считались уставными, а вот последнюю паровингеры лепили от души, украшая машину в соответствии со своим позывным или видением прекрасного. Оскаленные пасти жлунов, игральные карты и даже пикантно наряженные девушки – командование традицию чтило, закрывало глаза на вольности, и ребята не стеснялись.

– Лейтенант Клео под кабиной физиономию стыра изобразил. Все как положено: синяя кожа, бородавки, длинный нос, зеленые волосы; у него позывной – «Водяной», вот и постарался. А Оскару почему-то не понравилось, он возле паровинга остановился и пальцем тычет: «Что это за харя торчит, а?», а из фонаря как раз бригадир Хоплер высовывается: «Коммандер, это вы о ком?» – и понеслась ругань. Ты ведь Хоплера знаешь – ему только повод нужен, чтобы разораться.

– А что бригадир в кабине делал?

– С внезапной проверкой притащился.

– Не повезло Оскару.

– Ага.

Кира улыбнулась и чуть подалась вперед – ей показалось, что на горизонте появилась подозрительная точка.

Высота сто пятьдесят метров, скорость сто пятьдесят лиг в час, другими словами, «полтора на полтора» – любимый режим морских паровингеров. Когда Банир добр, а в небе ни облачка, крылатая лодка скользит по лазурной глади неба, словно огромная птица, и только мерный гул моторов напоминает о том, что паровинг создан из мертвого металла.

– Астролог?

– Приближаемся, коммандер.

Рабочее место бортового астролога находилось сразу за кабиной, а потому ответ прозвучал мгновенно.

– Я знаю, что приближаемся, Ронни, – недовольно заметила девушка. – Мне нужен доклад, а не сообщение.

– Семьдесят минут.

– Поняла.

Кира посмотрела на часы, прикинула, что на цель – главный остров Валеманской группы – они выйдут к расчетным десяти утра, и привычным движением поправила выбившийся локон. Инструкция предписывала пилотам обязательно надевать плотные кожаные шлемы, но летом паровингеры ими пренебрегали – слишком жарко, вот непослушный локон и развлекался, периодически падая Кире на глаза. Девушка не любила гладко зачесывать волосы, не раз получала нагоняй за легкомысленные прически, но упрямо стояла на своем. А вот уставной, со множеством карманов, комбинезон Кира застегивала полностью, не желая отвлекать экипаж от служебных обязанностей.

– Хорошо идем, – заметил Френк.

– Пока, – уточнила Кира.

– Надеюсь, не просто так слетаем.

– Я тоже. – Девушка помолчала, после чего добавила: – Надеюсь.

Информацию о том, что к Валеманской группе направляются неизвестные корабли, на базу Северный Кадар передали рыбаки. Маломощные передатчики траулеров не могли добить до Ушера, поэтому сообщение пришло по цепочке из трех судов и, разумеется, без особых подробностей. Еще полгода назад оно не вызвало бы переполоха – мало ли что и кому показалось в открытом океане? – но в последнее время обнаглевшие пираты стали все чаще выхо-

дить за пределы Барьерной россыпи, и бригадир Хоплер приказал отправить к Валеману патрульный паровинг: отыскать суда, а заодно навестить лагерь геологов, что два месяца назад высадились на необитаемые острова. Боевой опыт у Киры и ее экипажа отсутствовал, а потому пилоты искренне надеялись, что неизвестные окажутся пиратами.

Однако об этом они говорили всю дорогу, и тема надоела.

– Скоро День Конфедерации, – робко произнес Френк.

– Я помню, – ровно ответила Кира.

Торжественное мероприятие в Офицерском собрании, включающее в себя скучные речи: умеренной длины – от Хоплера, краткую – от начальника штаба и монотонную бредятину болтуна-губернатора. Затем вручение медалей и знаков отличия – штабные любят подгадывать награждения к праздникам, возможно – объявление о получении каким-нибудь счастливчиком очередного звания и только после этого – бал. Вот его-то не избалованные светскими мероприятиями офицеры ждали с нетерпением.

– На бал пойдешь?

– Конечно.

– С кем?

Френк догадывался, с кем – с тем же, с кем и в прошлый раз, однако не мог не попытаться. Приглашения сыпались на Киру уже неделю, и девушка удивлялась робости второго, никак не решавшегося затеять разговор. В принципе, Френк был славным парнем: хороший пилот из хорошей семьи с хорошими перспективами, но… Но был мужчина, в присутствии которого сердце девушки начинало биться чаще, и этот фактор перевешивал все.

«В нашей семье не принято вмешиваться в сердечные дела детей, – сказал отец, когда Кире исполнилось шестнадцать. – Я буду требовать от тебя многого, научу быть сильной, упорной и, если нужно, – жестокой, потому что ты – моя наследница и в жизни тебе придется быть сильной, упорной, а если обстоятельства потребуют – жестокой. Но мужа ты выберешь сама, поскольку дома ты должна быть счастлива».

Кира знала, что впереди ее ждет непростая жизнь, и замуж не спешила. Дотянула до двадцати трех – остаться старой девой не боялась, предложений хватало, – зато нашла мужчину, рядом с которым ей действительно хотелось быть.

И потому вопрос Френка девушка проигнорировала. Едва заметно, уголками губ, улыбнулась и попросила:

– Возьми управление, хочу кофе попить.

– Уже, – отозвался второй, опуская руки на штурвал.

Френк понял, что Кира решила «не услышать» его предложение, и попытался зайти с другой стороны:

– Говорят, на праздник приедет адмирал Даркадо.

– В наше захолустье? – Девушка как раз отвинтила крышку термоса и стала аккуратно наливать горячий кофе в металлическую кружку. – Сомневаюсь.

Северной базу Кадар назвали не ради красного словца – гарнизон располагался на краю архипелага, и высшие штабные заглядывали в него не часто. Киру это вполне устраивало, а вот офицеры чувствовали себя забытыми. В их понимании настоящая жизнь бурлила исключительно вокруг Тахасы и служба на дальней базе не шла в зачет карьерному росту.

– Все штабные уверены…

– А вот я слышала, что на базе Мелепорт испытывают сверхвысотный паровинг. – Кира отхлебнула кофе. – И это действительно интересно.

В засекреченном Мелепорте промышленники обкатывали новейшие образцы оружия, и слухи, что периодически просачивались с острова, будоражили умы военных.

– Насколько высотный? – тут же поинтересовался второй.

– Говорят, Гатов хочет подняться на две лиги.

– Не верю.

– Почему?

– Нет, в то, что он хочет, – верю, – поправился Френк. – Не верю, что получится.

– Гатов – гений. До сих пор у него получалось все.

– Гм… – оспаривать это заявление Френк не стал. – Пожалуй. Хотя мы не знаем всего, что он задумывал.

– Тоже верно, но я с удовольствием испытала бы новую машину. – Кира рассеянно посмотрела на стелющийся под пузом паровинга океан. – Иногда хочется чего-нибудь резкого, необычного.

– Попроси перевод, – предложил второй, бросив на девушку косой взгляд. – Ты хороший пилот, тебя возьмут.

Была и еще одна причина, по которой рапорт Киры имел все шансы быть удовлетворенным. Деликатный Френк о ней не упомянул, но девушка услышала намек и качнула головой:

– В испытатели отбирают лучших, и раз мне не предлагают, значит, есть более достойные кандидаты.

– Но…

– Тихо! – Кира одним глотком допила кофе и бросила кружку за спину. – Внимание на одиннадцать часов.

Френк посмотрел в указанном направлении и подобрался:

– Вижу цель. – А в следующий миг слегка расслабился: – Это наши. – Расстояние до суденышка стремительно сокращалось, и второй без труда опознал стандартный паровой катер, предназначенный для перемещений между островами одной группы. – У геологов есть два или три таких…

– Но что они делают так далеко от Валемана?

– Проклятье!

Об этом Френк не подумал.

Запас хода у катеров мизерный, рация маломощная, осадка небольшая – днище почти плоское, – другими словами, для открытого моря не приспособлены. Сейчас Банир добр, волнение слабое, но синие воды океана таили серьезную угрозу.

– Они удирают!

За катером скользила длинная коричневая тварь.

– Я вижу, – сквозь зубы процедила Кира и надавила на кнопку, наполняя паровинг воем тревожной сирены.

Банир был богат и богатством своим щедро делился с людьми. Огромные косяки мельди, серебристой вирли и крупных черных мангелей, вес которых доходил до трехсот-четырехсот килограммов, бороздили океанские просторы, и рыбакам, казалось, достаточно было отойти от берега на лигу-две, чтобы привезти домой отличный улов. Наиболее желанной добычей считался простер – зеленый банирский кит, самый большой и самый ленивый обитатель кардонийских вод. Здоровенные создания – целые горы мяса – обожали нежиться под теплым солнцем, однако охотиться на них оказалось непросто. Необычайно живучие простеры уходили, даже получив три-четыре тяжелых гарпуна в толстые бока, и немедленно отвечали атакой, легко переворачивая шлюпки зазевавшихся китобоев могучими лобовыми ударами. Агрессивность зеленых лентяев стала для людей неприятным сюрпризом, но вскоре выяснилось, что Банир приготовил для них куда более страшных созданий – драконоподобных жлунов. Эти длинные злобные твари умели не только глубоко нырять, но и с неимоверной скоростью скользить по самой поверхности воды и были естественными врагами простеров. Проблемы с драконоидами начались сразу: жлуны принимали шлюпки и небольшие лодки рыбаков за детенышей китов и атаковали, честно пытаясь рвать обшивку острыми зубами. Такие нападения особой угрозы

не таили, но вскоре жлуны сообразили, что из «неправильных», но перевернутых «детенышей» в воду падает совсем другая добыча: беспомощная и достаточно аппетитная. А силы на хороший таран драконоидам хватало…

– Приготовиться!

Ответа Кира не ждала, знала, что засевший в курсовой башне Шварц ее услышал, и сосредоточилась на управлении.

Четырехмоторные паровинги серии УМИ, универсальный морской истребитель, – на армейском сленге «умники», – обладали впечатляющей огневой мощью. Главным их калибром, если использовать военно-морскую терминологию, были две стандартные 36-мм автоматические пушки, установленные в расположенных на линии крыла башнях. Продуманная конструкция турелей давала широченный, почти в сто восемьдесят градусов, сектор обстрела и позволяла вести огонь не только вперед, но и вниз. На носу «умника», чуть ниже кабины пилотов, находилась курсовая пулеметная башня, вторая, расположенная позади крыла, прикрывала паровинг от атак сверху, а завершали вооружение два пулемета в крыле, огнем которых управлял пилот. Пушки обеспечивали мощь, а вот «изюминкой» современных кардонийских истребителей по праву считались новейшие пулеметы – шестиствольные, с электрическим приводом, невероятно скорострельные «Гаттасы» – уникальная разработка знаменитого изобретателя.

– Внимание!

Снижаясь, Кира заложила вираж и по длинной дуге вывела машину на боевой курс. Жлун почти догнал катер, но оставшегося расстояния вполне хватало на то, чтобы пули не задели перепуганных геологов.

– Огонь!

И сидящий в носовой башне Шварц не подвел.

«Гаттас» ударил издали. Завыл, непринужденно набирая обороты, и по синим волнам Банира побежали фонтанчики пуль, быстро приближаясь к змеевидному телу жлуна.

– Есть!

– Попал!

– Получи, скотина!

Паровингеры, напряженно следившие за происходящим, радостно загалдели.

Потерявший скорость драконоид завертелся на месте, а вода вокруг стремительно побурела от крови.

– Добить! – приказала Кира.

Она торопливо развернула машину – боялась, что жлун нырнет, – и вновь направила паровинг на тварь.

– Огонь!

Извивающийся драконоид представлял собой прекрасную мишень, и тяжелые пули разорвали его тело напополам.

– Отличная работа!

– Спасибо! – весело отозвался Шварц.

– Проклятье! – простонал Френк.

– Что?!

А в следующий миг Кира поняла – что. И громко выругалась.

Драконоиды охотились парой, и, пока паровингеры разбирались с первым, который преследовал катер с кормы, второй стремительно приближался с борта.

– Разворачиваюсь!

– Не успеем!

– Заткнись! – Кира закусила губу и резко вошла в очередной вираж, заставив тяжелый паровинг совершить несвойственный маневр. – Шварц! Людей не задень!

– Постараюсь!

– Накроем на выходе!

– Понял!

– Осторожнее, – прошептал Френк.

– Не мешай!

Мощный удар перевернул катер, и геологи горохом посыпались в воду. Перепуганные, беспомощные, орущие… Не окажись поблизости паровинга, их участь была бы предрешена.

– Давай!

Повадки твари ушерцы знали отлично: после удара драконоиды всегда уходили на глубину и выныривали в двадцати-тридцати метрах. Шварц врезал из «Гаттаса» за несколько мгновений до того, как над водой появилась сплюснутая башка жлуна. Врезал наугад, но ошибся всего на несколько метров. Тут же поправился, и следующая очередь превратила голову твари в кровавое месиво.

– Попал?!

Даже на минимальной скорости паровинг двигался слишком быстро, чтобы Кира успела разобраться в происходящем.

– Все в порядке.

Мертвый драконоид уныло покачивался на волнах метрах в сорока от перевернутого катера. Опомнившиеся и слегка успокоившиеся геологи радостно вопили, приветствуя спасителей, а внутри паровинга послышался веселый смех.

– Шварц! Официальная благодарность!

– Служу Ушеру, коммандер, – бодро отозвался – стрелок.

– Экипаж, внимание! Заходим на посадку.

Как вытаскивать из воды людей, ушерских паровингеров учили едва ли не в первую очередь – жизнь обитателей архипелага неразрывно связана с Баниром, морские законы впитывались ими с материнским молоком, а первый из них гласил, что любой человек обязан оказать помощь терпящим бедствие. Быстро и без раздумий.

Кира посадила «умника» метрах в ста от катера, за борта которого держались спасенные, затем аккуратно подвела машину ближе и заглушила двигатели. Сразу после этого ребята распахнули люки и принялись бросать подплывающим геологам спасательные круги. И даже начали зубоскалить, шутками выгоняя накопившееся напряжение.

– Какого муля вы тут забыли?

– Развлекаетесь?

– С курса сбились?

– Не ехидничайте, – хмуро оборвал Шварца выбравшийся из воды мужик. – Настроение не то.

Фраза, а главное – тон, которым она была произнесена, подсказали Кире, что черноволосый среди геологов главный.

– Я – майор Дагомаро, – произнесла девушка после того, как мужик скинул мокрую одежду и завернулся в одеяло. – Представьтесь, пожалуйста.

– Дагомаро? – Мужик оценивающе оглядел Тью. – Вот ведь совпадение…

– Это ваше имя?

– Энцо Такере, начальник изыскательной партии «Валеман». – Он помолчал, после чего, усмехнувшись, добавил: – Мы представляем компанию «Руды и минералы», подразделение…

– Подразделение холдинга «Дагомаро», – спокойно перебила геолога Кира. – Что у вас произошло? Рыбаки сообщили, что к Валеманской группе шло какое-то судно.

– Канонерская лодка землероек.

Военные переглянулись, и астролог тихонько выразил общее мнение:

– Дерьмо.

Все знали, что отношения между двумя составляющими Кардонийской конфедерации – Ушером и Приотой – в последнее время ухудшились, но никто не ожидал, что землеройки перейдут от слов к делу.

– Мы разбили лагерь на острове «А», – продолжил Такере, прихлебывая горячий кофе, кружки с которым раздал спасенным Френк. – Составляли геологическую карту островов, а сегодня утром… – Энцо скривился. – Короче, перед рассветом в бухту вошли канонерка и вспомогательное судно с десантом. Землеройки выгнали нас из домов и велели убираться с исконных земель Приоты.

– Они так сказали? – уточнила Кира.

– Их командир.

– Уроды!

– Гидратные манявки!

– Все острова Банира принадлежат Ушеру!

– Тихо! – Кира обвела возбужденных паровингеров жестким взглядом, после чего вновь обратилась к Такере. – Прошу вас, продолжайте.

Остальным геологам было что сказать, однако никто из них не посмел перебить начальника.

– У нас было два катера, в каждый село по десять человек, – медленно произнес Энцо. – Мы все время оставались на связи, надеялись, что рыбаки услышат сигнал бедствия, но через пару часов батареи сдохли, а потом появились жлуны. – Пауза. – Мы пытались уйти, но получилось плохо.

Все было понятно, но майор не могла не задать вопрос:

– Где второй катер?

Кира спросила негромко, ответ прозвучал почти шепотом, но в наступившей тишине показалось, что геолог ответил громоподобным гласом:

– Их догнали.

Десять человек пошли на корм драконоидам. Десять умных, знающих, толковых ребят, умеющих смотреть сквозь землю и находить скрытые в ней богатства. Десять ушерцев.

– Землеройки должны ответить, – произнес Френк. И вопросительно посмотрел на командера: – Кира?

Атаковать, залить свинцом, вдолбить в землю, перебить… Глаза паровингеров требовали крови, глаза геологов – мщения, орудийные стволы деликатно намекали: мы не подведем. Кира чувствовала закипающую ярость, готова была окунуться в нее, нырнуть с головой, и лишь огромным усилием воли сумела взять себя в руки.

– Мы получили приказ провести разведку, – медленно, потому что скулы сводило от бешенства, сказала девушка. – Мы отправляемся на Валеман, чтобы убедиться в правдивости рассказа синьора Такере.

* * *

«К моменту исчезновения мессера я провел на «Амуше» всего несколько дней и не успел достаточно освоиться среди экипажа. Я не Олли, мне требуется время, чтобы привыкнуть к людям, и уж тем более – назвать их друзьями. Кроме того, офицеры «Амуша» оказались, мягко говоря, своеобычными личностями, и первое знакомство повергло меня в изумление, а если точнее – в легкий шок. Капитан Дорофеев, суперкарго ИХ Бабарский, шифбетрибсмейстер Чира Бедокур, медикус Альваро Хасина и, конечно же, Галилей Квадрига, астролог, – все они являлись превосходными профессионалами, мастерами своего дела, но людьми настолько странными, что их пребывание в команде, а уж тем более – в одной команде, казалось решительно невозможным. И только со временем я понял, что именно черты, отличающие офицеров «Пытливого амуша» от обыкновенных людей, сплачивают их крепче цемента, превращая в настоящую семью. Каждому из них не было комфортно в традиционном обществе, но, оказавшись в компании себе подобных, они раскрылись, обрели дом.

Еще я понял, что рядом с ними и я чувствую себя как – дома.

И еще – что создал этот дом Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур.

Как я уже писал, исчезновение мессера случилось в самом начале моего знакомства с «Амушем», и меня до глубины души поразила проявленная экипажем верность. Дорофеев, Бабарский, Бедокур, Хасина, Квадрига – каждый переживал несчастье по-своему, но все они остались на цеппеле и полтора года упрямо прочесывали Герметикон, отказываясь верить в гибель мессера.

Точнее, мы прочесывали. Мы вместе».
Из дневника Андреаса О. Мерсы, alh. d.

– И мессер его не выпорол?

– Нет, – пожал плечами Хасина.

– А зря, – сурово рубанул Бедокур. – Есть вещи, на которые нельзя не обращать внимания.

– Если вдуматься, пороть управляющего не за что, – ухмыльнулся Бабарский и шмыгнул носом. – Фермеры выдернули ограды, увели стада, прибрали навоз и даже засеяли травой протоптанные коровами дороги. Я специально съездил в пойму – там стало красивее, чем раньше. Правда, от воды сыростью тянет, и у меня кости разболелись, хронический радикулит, чтоб его…

Иоахим Христофор Бабарский – суперкарго, казначей, менеджер и главный в команде «Амуша» контрабандист – обладал таким букетом наследственных, хронических, аллергических, вирусных и прочих заболеваний, что мог служить ходячим пособием для начинающих медикусов. Он постоянно кашлял, чихал, сморкался, держался за бока, стонал, жаловался на судьбу и приставал к добродушному Хасине, который охотно скармливал мнительному суперкарго экспериментальные микстуры собственного изготовления. Впрочем, во время обязательных для любого цепаря осмотров у братьев Доброй Дочери болячки ИХ волшебным образом рассасывались и никто не слышал, чтобы Бабарский хоть раз оказался в карантине.

Ростом суперкарго едва дотягивал до ста шестидесяти сантиметров, а сложением напоминал мячик: пухлая фигура, круглое лицо и нос картошкой. Добавьте черные волосы до плеч, которые Бабарский зачесывал назад, большие щеки, малюсенький подбородок, губы бантиком, и портрет завершен. Мужественности ни на гран, однако ИХ обладал сверхъестественным умением располагать людей, чем полностью компенсировал дарованную природой внешность.

– Красота – понятие неопределенное, – брякнул Галилей, доставая из кармана жестяную коробочку.

– Управляющий нарушил приказ, – напомнил шифбетрибсмейстер. – Это плохая карма.

– Человек слаб, и мессер это понимает.

– Если человек слаб, то правильно исполненная порка поможет ему стать сильным, – глубокомысленно заметил медикус. – А если силен – не повредит.

И вздохнул, наблюдая за тем, как Галилей смешивает табак с извлеченной из коробочки травой темно-желтого цвета. На Линге, в отличие например от Анданы, вихель был запрещен, однако астрологу «Амуша» полагалась поблажка, и, завидев Квадригу, местные полицейские отворачивались, хотя с легкостью могли отыскать в его карманах и поясной сумке пять-шесть лет каторжных работ. Впрочем, поблажка полагалась всем настоящим, водящим через Пустоту цеппели, астрологам.

– Альваро, откуда такие познания? – осклабился Бедокур. – Был опыт?

– Я сделал сии умозаключения на основе наблюдений и теоретических изысканий, месе карабудино.

– Мне одному кажется, что здесь ужасный сквозняк? – Бабарский демонстративно высморкался, аккуратно свернул платок, и продолжил: – Если кого и надо пороть, так это тутошнего хозяина. Он преступно относится к здоровью посетителей.

– Не тутошнего, а здешнего, – меланхолично поправил суперкарго Мерса.

– И еще за то, что пускает в приличное заведение всяких умников.

– ИХ, в зале душно! – не сдержался Бедокур. – Даже волосы потеют.

– А у меня ажарская астма! Я задыхаюсь!

– Откуда у тебя астма?

– Выросла!

– На Андане подцепил, – язвительно сообщил Хасина. – В заведении синьоры Улитки.

– Разве астма так передается? – испугался Чира.

Медикус деликатно заржал.

Несмотря на то что каждому члену экипажа полагалась комната в замке, офицеры, за исключением Дорофеева и Валентина, предпочли поселиться в городе и коротали вечера в харчевне «Золотой дуб». Той самой, что не меняла облик шестьсот семьдесят четыре года, в результате чего посетители вынужденно наслаждались раннелингийскими интерьерами: тяжеленными столами из плохо выструганных досок, неудобными лавками и глиняной посудой. Но еду в «Дубе» подавали отменную, а местное пиво славилось на все дарство Кахлес. Харчевня не пустовала даже в будние дни, однако офицеров Помпилио всегда ожидали лучшие места и быстрое обслуживание.

– Если у тебя астма – иди на воздух, ипать-копошить, – посоветовал Галилей Квадрига, с наслаждением раскуривая трубку.

Над столом лениво повисло вихельное облако.

– Иди курить туда. – ИХ неопределенно махнул – рукой.

– Не могу подняться с лавки, – обезоруживающе улыбнулся астролог. – Пьян.

– А вот меня ваши слова э-э… возмущают, – неожиданно произнес Мерса, откладывая двузубую вилку. – Вы сожалеете, что мессер не выпорол э-э… человека, и это безнравственно! Мы ведь не о лошади говорим.

– То есть лошадей пороть можно? – немедленно уточнил Хасина. – Это нравственно?

– Не согласен, – встрял Бабарский. – Я, к примеру, не то что лошадь, даже собаку бродячую не пнул ни разу в жизни. Хотя все они блохастые твари, а блохи разносят заразу.

– Я тоже, – добавил Бедокур. – В смысле, не зараза блохастая, а насчет собак. Бить животных – плохая примета. Это вам даже начинающая ведьма скажет.

– Собака может укусить, – промямлил Галилей, попыхивая трубкой. – Меня однажды пыталась, но я спугнул ее щепоткой свуи.

– А лошадь может лягнуть, – ляпнул алхимик и тут же укорил себя за длинный язык.

– Что, Мерса, не любишь животных? – медикус театрально покачал головой. – Не ожидал от человека столь прогрессивных взглядов. Это самый настоящий флукадрук.

– Какой же ты злой, Мерса, – тоненько хихикнул ИХ, старательно вытирая руки льняной салфеткой.

– Алхимик, ипать-копошить. – Квадрига блаженно прикрыл глаза. – Я всегда с подозрением относился к людям, которые проводят жизнь возле атаноров. Надышатся всяким, потом идеи распространяют.

И пыхнул вихельным выхлопом.

– Я люблю э-э… животных, – покраснел Мерса.

– Я видел, как Энди ел рагу, – припомнил Бедокур.

– Мерса, это безнравственно, – продолжил изгаляться Хасина. – Если ты действительно любишь животных, зачем поглощаешь их трупы? Почему тебя не тошнит?

– И ботинки кожаные таскаешь, – въедливо добавил ИХ. – А еще ремни и перчатки.

– И цапу кожаную надевал, когда холодно.

– Мерса, ты – лицемер.

– Мы обсуждали телесные наказания, – хмуро ответил Энди.

Он догадывался, что над ним подшучивают, и старательно гасил подступающее раздражение.

– Можно подумать, тебя никогда не пороли.

– Кстати, да, Мерса, ты бунтуешь просто так или тяжкие воспоминания гнетут?

– Я э-э… не бунтую.

– Уже не важно, – отмахнулся Хасина. – Тебя – пороли?

– Расскажи, как это было?

– Участвовал в каком-нибудь мятеже?

– Или на мелком воровстве спалился?

– Ни на чем я не палился, – отмахнулся Энди. – А пороли меня всего один раз э-э… в молодости э-э… когда я работал учеником алхимика на Герметиконе.

– И сильно сей опыт помешал тебе в жизни, месе карабудино?

Алхимик наконец понял, что обрадованные возможностью развлечься друзья просто так не отстанут, и перешел в контратаку:

– Альваро, никак не ожидал, что ты э-э… убежденный сторонник телесных наказаний. Это разве не флукадрук?

– Когда-то я считал телесные наказания несомненным доказательством человековской дикости, но с течением времени понял, что в этом инструменте заложен определенный смысл, – важно ответил Хасина. – Тщательно и беспристрастно проанализировав доступную информацию, я убедился, что в некоторых случаях подобное воздействие необычайно эффективно. Ты, Мерса, не медикус, но наверняка слышал аксиому, что яд в разумных дозах оказывает положительный эффект. – Альваро с наигранной печалью оглядел офицеров. – Человеки несовершенны, говорю вам как сторонний и нейтральный наблюдатель, человеков следует улучшать.

– Не такой уж ты нейтральный, – громко заметил Энди, поправляя очки.

– Это еще почему?

– Давно хотел спросить: в чем цель твоих э-э… исследований? Что будет, когда твоя раса соберет достаточно сведений о человечестве?

Контратака удалась: разогретые пивом офицеры охотно переключились на новую тему и принялись забрасывать медикуса каверзными вопросами:

– Вторжение?

– Ты будешь нас вешать?

– Альваро, брат, за что?

– Хасина, я всегда был добр к тебе.

– Жалкие, жалкие человеки, – усмехнулся медикус. – Вы способны мыслить исключительно насилием.

– Ты вроде не возражал против телесных наказаний. Почему бы тебе не согласиться с массовыми убийствами?

– Вы убьете всех или оставите немного рабов?

– Чтобы кто-то возделывал для вас поля.

– Я не хочу быть рабом.

– Или вы нас съедите?

Альваро помолчал, хлебнул ароматного пива, после чего добродушно продолжил:

– Посмотрите на меня, человеки, посмотрите и убедитесь, насколько развита моя раса. Постарайтесь понять, гвини патэго, что мы образованны, умны и миролюбивы. И лишь благодаря нашей невероятной доброте вы до сих пор засоряете Вселенную своей жалкой цивилизацией.

«– Пораскинь мозгами, Мерса: человеки открыли десятки пригодных для жизни миров, но не освоили и сотой части Вселенной. Да что там сотой – миллионной! Вы ползаете по малюсенькому уголку необъятного, а пыжитесь так, словно положили в карман все существующие звезды. Вы не встретили разумных и, гвини патэго, решили, что являетесь единственным, уникальным видом. Но ведь это глупо, Мерса, ты понимаешь, что это глупо? Вселенная огромна, а значит, есть вероятность, что где-то далеко, или совсем рядом, существует иная цивилизация. Более могущественная, чем ваша, и более мудрая.

Хасина разговорился, когда мы остались в кают-компании «Амуша». С момента нашего знакомства прошла примерно неделя, и медикус, по всей видимости, решил, что настало время поведать мне правду. Разговор Альваро начал заявлением, что не является человеком, и тут же развил мысль, объясняя, что имеет в виду. Любопытную мысль. Но поначалу, признаться, она сбила меня с толку.

– Почему же мы э-э… до сих пор никого не встретили?

– Не пришло время.

– А кто будет решать, когда оно придет?

– Разумеется, мы, месе карабудино, – гордо ответил Хасина. – Как более развитые существа. И более мудрые. Настанет день, и мы объясним человекам, что Вселенная принадлежит не только им. То есть – вам. Или просто: не принадлежит вам. Я не знаю, какую формулировку выберут наши вожди.

Знаю, знаю, следующий мой вопрос прозвучал на удивление глупо, но ты должен меня простить, Олли – я был настолько ошарашен, что попросту не знал, как правильно поддерживать столь занимательную беседу.

– Ты прибыл к нам э-э… официально?

– Нет, конечно же, – рассмеялся Альваро. – Меня доставили в Герметикон в младенческом возрасте, но доставили не просто так, а с тайной миссией. Меня отобрали из тысяч претендентов и подготовили к существованию в невыносимых условиях вашего общества.

– Э-э…

– Предвижу удивленные вопросы, поэтому расскажу подробнее. – Хасина налил себе вина.

– Полагаю, э-э… это будет э-э… познавательно, – пролепетал я, но увлеченный медикус меня не слышал.

– Сначала я не подозревал о своем предназначении, месе карабудино. В приюте, а позже у приемных родителей я рос обыкновенным мальчиком, правда, очень умным и любознательным… Мерса, тебя когда-нибудь считали умным и любознательным?

– Э-э…

– Значит, ты не поймешь. Я много читал, всегда стремился к новому, но не только этим отличался от сверстников. – На губах медикуса заиграла сентиментальная улыбка. – Иногда, разглядывая рассыпанные по ночному небу звезды, я испытывал странное щемящее чувство. Необъяснимая тоска охватывала меня в те мгновения, и мне казалось, что я потерял нечто необычайно важное, нечто дорогое. Я не сразу понял, что, глядя на звезды, я чувствовал себя чужим, что человеки не родня мне, и где-то далеко-далеко, в бескрайних просторах Пустоты, скрывается мой настоящий дом. – Хасина выдержал многозначительную паузу, во время которой сделал пару больших глотков вина. – А затем я узнал, что не могу иметь детей от ваших женщин и ко мне не прилипают пикантные недуги. Согласись, Мерса, это весомое основание считать себя не таким, как все.

– И ты стал медикусом на «Амуше»… – пробормотал я, подразумевая, что это весьма невысокая должность для тайного агента, но не был понят.

– Да, стал медикусом, – важно ответил Альваро. – Что не так?

– Я думал, твоих э-э… родичей заинтересуют наши изобретения, политика, власть…

– Этими вопросами занимаются другие агенты, – успокоил меня Хасина. – Моя же цель – техническое изучение человеков.

– Зачем? – выдал я совсем уж идиотский вопрос.

– А зачем ты изучаешь алхимию?

– Э-э… в научных целях.

– Еще подсказки нужны?

Я решил, что нет – не желал выслушивать ехидные замечания медикуса. Хотел закончить разговор, однако не мог не поинтересоваться:

– Альваро, для чего ты выдал мне свою тайну? Мы ведь едва знакомы.

– В познавательных целях, – не стал скрывать Хасина. – Хотел увидеть твою реакцию.

– И как?

– Ничего интересного, Мерса, ты стандартно ошарашен и не знаешь, как себя вести.

Ответ, признаться, меня покоробил. Особенную неприязнь вызвала правота медикуса: я действительно находился в некотором затруднении, но это ведь не повод хамить, правда? И потому я попытался огрызнуться:

– А мессер знает о твоем происхождении?

– Конечно. – Хасина помолчал и добавил: – Мессер сказал, что высокая цель налагает на меня большие обязательства, и если я хочу с блеском исполнить миссию, то должен стать лучшим медикусом Герметикона. – Еще одна пауза. – Я стараюсь».

Из дневника Андреаса О. Мерсы, alh. d.

– Давно я так не смеялся, – тоненько захихикал Бабарский, утирая выступившие слезы. – Вам, ребята, нужно билеты на свои диалоги продавать. Или в цирк завербоваться. Хотя в цирке высокий травматизм.

– И все равно я против телесных наказаний, – упрямо заявил алхимик. – Против!

– На моей памяти мессер никого не порол, – заметил Бедокур.

– А другие адигены?

– А другие адигены меня не волнуют, – нахохлился шифбетрибсмейстер.

И Мерса, к огромному своему удивлению, различил в голосе Чиры угрозу. Которая прозвучала тем более весомо, если учесть выдающуюся комплекцию Бедокура: двухметровый рост, мощная мускулатура и кулаки размером с небольшие тыквы. Выглядел шифбетрибсмейстер настоящим громилой, но в технике разбирался получше иного конструктора, и все оборудование «Пытливого амуша» работало у Чиры как часы. Наверное, не хотело связываться. Или же послушно подчинялось многочисленным заклинаниям, заговорам и оберегающим проклятиям, по части которых Бедокур также был большим мастаком. Путешествуя по Герметикону, Чира ухитрился изучить огромное множество примет, предзнаменований и магических ритуалов, которые активно использовал в повседневной жизни. Длинные каштановые волосы Бедокур заплетал в косички, перемежая их заговоренными веревочками и бусами, а на широкой груди носил медальоны Доброго Маркуса, небесного покровителя Линги, и почитаемого всеми цепарями Герметикона святого Хеша. С медальонами соседствовали амулеты: кривая раковина хансейских жриц Большого Фебула, усиливающая удачу обладателя на количество завитков, и редчайшая подъязыковая косточка лагорианской обезьяны Ким, о предназначении которой Чира упорно молчал. На руках Бедокура позвякивали многочисленные браслеты-обереги.

– Другие адигены не имеют права меня трогать, – закончил шифбетрибсмейстер. – Если не хотят, чтобы я их ауру с грязью смешал. Или еще чего.

– То есть пусть бьют кого угодно, только не тебя, да?

– Мерса, не горячись, – примирительно произнес Хасина. – Ты плохо понимаешь законы, регламентирующие взаимоотношения адигенов и простолюдинов. Для начала уясни, что в адигенских мирах нет рабства, все простолюдины – свободны.

– До тех пор, пока не решат заключить с адигеном договор, – уточнил Бабарский. – То, что у вас называется контрактом или договором о найме, на Линге именуют вассальной присягой. Вот и все отличие.

– В присягу входит пункт о телесных наказаниях?

– О возможности телесных наказаний, – поднял палец Альваро.

– Вассальная присяга не менялась тысячу лет, – с чисто лингийской гордостью сообщил Чира. – В ней все по-настоящему.

– И вас это устраивает?

– Ты опять ничего не понял. – Хасина ткнул Бедокура в бок, не позволив шифбетрибсмейстеру облить алхимика парой-тройкой крепких выражений, и вернулся к вопросу: – Точнее, месе карабудино, ты не учитываешь того факта, что простолюдины имеют право владеть оружием. Так повелось с самого начала, поскольку адигены быстро поняли, что удержать власть над дарством можно только с помощью ополчения – одной дружины недостаточно. Кахлесы, если тебе интересно, правят больше тысячи лет, а почему? Потому что все простолюдины дарства поднимаются по первому зову.

– И что?

– А то, что вооруженными людьми нельзя править, ими нужно управлять, – наставительно объяснил медикус. – И все адигены, которые хотят удержаться у власти, знают эту нехитрую аксиому назубок.

– Не пора ли им поменять законы?

– А кто позволит? – ехидно осведомился Бабарский. – Народ слишком хорошо вооружен, чтобы быть безропотным.

– Когда простолюдин принимает вассальную присягу, он в том числе обязуется вооружиться, – сообщил Бабарский. – Ты, Мерса, наверное, не заметил, но в маленьком Даген Туре есть девять оружейных лавок. Так что, если мессер или какой-нибудь другой адиген начнет вдруг пороть подданных направо-налево, в него тут же начнут палить из-за каждого угла.

– Но зачем, в таком случае, служить адигенам? – растерялся алхимик. – Не лучше ли самим выбирать правителей?

– В каждой общине есть голова и мировой судья.

– Я имел в виду главу государства.

– Зачем ломать то, что работает? – удивился Хасина. – И работает хорошо.

– А как же новая кровь?

– Дары имеют право посвящать в адигены наиболее выдающихся простолюдинов, и они этим правом пользуются.

Офицеры не убеждали алхимика в преимуществах адигенского строя, они спокойно и неторопливо рассказывали о древних законах, по которым живет Линга. О законах, не менявшихся уже тысячу лет, и о том, почему гордые адигены, которых на Бахоре и Заграте считали чуть ли не рабовладельцами, чтили эти законы.

– И вспомни, месе карабудино, что даже Эдуард Инезир не смог завоевать Лингу и был вынужден заключить с дарами договор, – подытожил медикус.

– Наши предки Узурпатора кровью умыли, – гордо сообщил шифбетрибсмейстер.

И алхимик понял, что простолюдин Бедокур имел на это высказывание такое же право, как и Помпилио дер Даген Тур.

– Но право на телесные наказания у них есть, – промямлил Энди. Воспитанный в свободном от адигенов Бахоре, Мерса считал это право ярчайшим примером насилия над личностью.

– Иногда лучше выпороть, чем отправить в тюрьму, – со знанием дела произнес Бабарский. – Со всех точек зрения лучше: времени тратится меньше, а впечатление остается на всю жизнь.

Подначить суперкарго никто не успел. Безмятежно клевавший носом Галилей неожиданно вытащил изо рта трубку – все думали, что астролог спит, и давно перестали обращать на него внимание, – и громко спросил:

– Все это, конечно, безумно интересно, но я хочу знать, что дальше, ипать-копошить? Хасина, сплетни есть?

Офицеры перевели взгляды на медикуса, который, ощутив важность момента, немедленно надулся.

– Что, человеки, любопытно?

– Похоже, мессер с ним планами не делился, – хмыкнул Квадрига.

– Чтобы он их сородичам не сдал, – поддержал астролога Бедокур.

– Зря только в замок ходил.

– Со мной никто ничем не делился, – признал медикус. – Но Теодор намекнул, что мессер наконец-то заинтересовался отчетами Астрологического общества.

Сообщение вызывало понятное оживление:

– Мы отправляемся в путешествие?

– Надеюсь.

– Давно пора.

– А куда?

– Куда захочет мессер.

– Как он?

Медикус поморщился:

– Нормально. – Помолчал и грустно добавил: – Учитывая обстоятельства.

– Так давайте выпьем за то, чтобы у мессера все было просто нормально, без всяких обстоятельств, – предложил Бедокур, и офицеры дружно подняли глиняные кружки.

Глава 2
в которой Кира опускает флаг, Лайерак заключает сделку, Помпилио уговаривают, Мерса сталкивается с цепарями, а Гатову преподают урок

– Вижу острова, – громко произнесла Кира.

Отошедший к астрологу Френк немедленно вернулся в кресло и улыбнулся:

– Быстро долетели.

– На попутном ветре.

– Ага.

На самом деле Кира приказала выжать из машины все, что только можно, и даже чуть больше. Двигатели паровинга работали на максимуме, недовольно ревели, но с задачей справились – Валеманская группа явилась на горизонте на двадцать минут раньше расчетного времени.

– Сразу к острову «А»? – поинтересовался Френк.

– Да, – коротко отозвалась девушка и объявила: – Общая готовность!

Необитаемые клочки суши лежали к северо-западу от Ушера и, согласно заключенному сто лет назад договору, считались зоной влияния архипелага. Собственно, все острова Банира считались зоной влияния Ушера, взамен пообещавшего не претендовать на обширные территории континента. Этот договор был основой конфедеративного устройства Кардонии, однако в последнее время вожди Приоты все чаще и чаще заявляли о правах на ближайшие острова. Только вот Барьерная россыпь, в которой взять, кроме пиратов, было нечего, приотцев не интересовала, они нацелились на более лакомый кусок. Валеман отстоял от континента на двести лиг, от архипелага на пятьсот – чем не повод признать группу частью континента? Тем более что проведенная несколько лет назад разведка показала, что острова богаты рудами. Столкновение, учитывая все возрастающую наглость землероек, было вопросом времени.

И время пришло.

Появление поселка разозлило Приоту – в последний раз геологи посещали Валеман семь лет назад и базировались на судне. На континенте поняли, что Ушер приступил к освоению островов, и решили огрызнуться. Первая кровь пролилась, и что будет дальше, зависит от многих факторов. В том числе от того, как поведут себя прилетевшие на разведку паровингеры.

– Не помешаю? – Энцо Такере замер в проходе, не рискуя приближаться к креслам пилотов.

– Хорошо, что вы здесь, – усмехнулась Кира. – Покажете, где расположен поселок.

– На острове «А».

Но это коммандер знала сама.

– Откуда лучше заходить?

– С севера.

Девушка чуть повела штурвал, заставив паровинг изменить курс, и приказала:

– Боевые расчеты – товьсь! Огонь по приказу!

Френк вытер выступивший пот. Остров «А» быстро приближался.

– Что планируете делать? – негромко спросил геолог.

– У меня приказ провести разведку, – холодно ответила Кира.

– Я знаю, коммандер. Я спросил, что вы планируете делать?

Такере был не стар, лет пятьдесят, не больше, и, судя по всему, умен. Он прекрасно понимал, какие чувства владеют девушкой, и решил помочь молодому офицеру. Не дать ей наломать дров.

– Вы ведь не хотите начать войну?

– Я принесла присягу, синьор Такере, – процедила Кира. – Я поклялась защищать Ушер.

– Кардонию, – уточнил геолог.

– Почему бы вам не вернуться в салон? – грубовато осведомился Френк.

Салоном паровингеры называли предназначенный для экипажа отсек, в котором сейчас находились товарищи геолога.

– Пусть остается, – тихо произнесла Кира, прежде чем Энцо успел ответить.

Они завершили вираж и теперь заходили на остров «А». С севера заходили, держа курс на показавшийся вдалеке поселок. Небольшой, в три дома, поселок среди невысоких валеманских скал. И еще они отчетливо видели стоящие в бухте корабли: канонерку и вспомогательное судно.

– На втором катере плыл Родриго, мой старый друг, – произнес Такере. – Мы с ним весь Ушер излазили, даже на юге Приоты побывали, в Загорье. Тридцать лет его знал…

– И что? – оборвала геолога девушка.

До острова оставалось не больше двух лиг.

– Когда мы вернемся домой, мне придется идти к жене Родриго, рассказывать о его смерти, объяснять, почему я жив, а он – нет, – вздохнул Энцо. – Но я не прошу вас мстить за моего друга.

– Почему?

– Потому что самое простое, что можно сейчас сделать, – начать драку. А потом, если в результате нашей драки вдруг разразится война, люди спросят: кто в ней виноват? И ответ будет таков: майор Дагомаро.

Одна лига до острова «А».

– Землеройки отправили вас на верную смерть, – процедила Кира.

– Но не убили.

– Они знали, что в Банире полно драконоидов.

– Жлуны могли появиться, а могли не появиться.

– К чему вы клоните?

– Не дайте землеройкам возможность обвинить во всем Ушер, – торопливо объяснил Такере. – И лично вас, коммандер.

– Время! – выкрикнул Френк.

Остров как на ладони. Корабли покачиваются на тихих волнах, из трубы левого домика струится дымок, а ошивающиеся вокруг солдаты безмятежно задирают головы, разглядывая налетающий паровинг. Солдаты не вооружены и не прячутся, не разбегаются при виде истребителя, потому что получили приказ: не прятаться, не разбегаться, не стрелять, а стоять и смотреть. Солдатам страшно. Они понимают, что их жизни находятся в руках взбешенного ушерского паровингера, но продолжают стоять и смотреть. Солдаты готовы дать политикам козырь – свои жизни, и Кира понимает, что Энцо прав.

– Коммандер? – шепчет Френк.

– Если мы атакуем, то станем убийцами.

Паровинг с ревом пролетает над поселком. Огромная тень падает на солдат и дома, но только тень. Приказа стрелять не прозвучало.

– Все правильно, – тихо говорит Энцо.

– Нет, синьор Такере, не правильно. – Кира разворачивает машину и вновь заходит на поселок. И вновь – с севера. – Шварц! Флагшток видел?!

– Видел и отметил, коммандер! – весело отзывается стрелок.

– Срежь его!

– Есть!

– Остальным расчетам отбой!

Такере качает головой, но молчит. Он умен, он понимает, что придется согласиться с меньшим злом. Кира улыбается, возбужденный Френк смотрит в окно, а Шварц разгоняет шестиствольный «Гаттас». Из пулеметной башни доносится вой и грохот, тяжелые пули врезаются в основание флагштока, и приотское знамя падает в пыль.

Солдаты разбегаются.

– Отличная работа! – смеется Кира.

Шварц насвистывает мотивчик, Френк показывает большой палец, астролог хлопает, а Такере вздыхает.

Паровинг медленно набирает высоту и берет курс на Ушер.

* * *

«Помнишь, я рассказывал о скучном, как мемуары рака-отшельника, лингийском захолустье? Так вот, Варнион – это увеличенная до размеров мира лингийская провинция, только не такая зажиточная и довольно грязненькая. В буквальном смысле грязная – варнионцы обладают потрясающей способностью создавать свалки и помойки всюду, где появляются, даже там, где мусор в принципе отсутствует, например в пустыне. Я не бывал в варнионских пустынях, но убежден, что их песок смешан со старым тряпьем, огрызками, объедками, сломанными инструментами и прочей дрянью, что в огромных количествах валяется на улицах местного сферопорта. Не знаю, что показывают тамошние миражи, но уж точно не дворников, чтоб меня в алкагест окунуло.

Жизнь на Варнионе тоже скучная, а потому историю, приключившуюся в их сферопорту, будут пересказывать еще лет сто. Или сто пятьдесят.

Но она, если честно, того заслуживает.

Сам я знаком с событиями с чужих слов: прочел не меньше десятка статей в газетах и журналах да пообщался с очевидцами, а потому немного завидую тем варнионцам, которым довелось своими глазами наблюдать столь редкое зрелище.

Гибель цеппеля.

Импакто вынырнул из Пустоты примерно в полдень, когда жизнь в местном сферопорту била ключом, – там разгружался грузовик верзийской торговой корпорации. Импакто вынырнул и замер в двух лигах от ощетинившегося пушками вижилана. На запрос диспетчеров ответа не последовало, и капитан сторожевика приготовился открыть огонь, но отдать соответствующий приказ не успел – середину трехсотметрового пришельца охватило огненное кольцо. Половинки импакто немного приподнялись, тут же схлопнулись, и сразу после этого грянул еще один взрыв. Огромные языки пламени стали жадно пожирать обшивку, на землю посыпались первые обломки и люди, водопадом хлынула балластная вода. Еще через миг корпус импакто окончательно распался на две части, и к облакам рванула пара чудом уцелевших баллонов с гелием.

Легкая носовая половина принялась неспешно вертеться, словно выбирая, куда бы шлепнуться, а корма сразу направилась к земле, по которой

в панике носились варнионцы. Тяжелые рули сделали кормовую часть похожей на половинку огромной бомбы, но следующий взрыв устроила не она, а кузель, и этот взрыв вдребезги разнес носовую часть цеппеля. Пылающие останки разлетелись по всему сферопорту, и то, что несколько минут назад было гордым цеппелем, превратилось в кучу безобразных обломков.

Которыми тут же начал интересоваться местный народ: как я уже говорил, варнионцы весьма охочи до всякого мусора. Самые честные из аборигенов попытались отыскать выживших – безуспешно, самые беспринципные жадно накинулись на хлам, а несколько пронырливых подростков рванули на поиски улетевших баллонов и сорвали главный куш. Поврежденные баллоны приземлились в лесу, лигах в пяти от сферопорта, и повисли на деревьях, уныло выплевывая в атмосферу остатки гелия. Особой ценности баллоны не представляли, но рядом с одним из них мальчишки обнаружили лысого мужчину в простой цепарской одежде. Окровавленного, с поврежденными ногами, без сознания, но живого.

К вечеру цепаря на телеге доставили в госпиталь, где он ненадолго пришел в себя, назначил царскую награду за возвращение уникальной трехствольной бамбады, заявил, что его зовут Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур, и вновь потерял сознание.

Надолго.

А Варнионе началось смущение. Местные, разумеется, слышали о знаменитом путешественнике с Линги, но отказывались верить, что им на головы свалился считающийся погибшим герой. Возмущенный президент – а сферопорт Варниона объединен со столицей, и высшее руководство планеты лично разбиралось с катастрофой – предложил заключить мошенника в тюрьму, но капитан верзийского цеппеля уверенно опознал мессера и тут же отправился на родину, прекрасно понимая, что принесшего радостную весть ждет щедрая награда. Оставшиеся без присмотра аборигены два дня пытались лечить мечущегося в горячке гостя, а затем началось вторжение.

Во всяком случае, нечто весьма похожее.

Первым на Варнион пришел импакто Лингийского флота. Удостоверившись, что спасшийся цепарь и в самом деле мессер Помпилио, родной брат дара Антонио, капитан импакто немедленно взял госпиталь под усиленную охрану, а учитывая состояние местных вооруженных сил, можно сказать, что он оккупировал планету. И кроме того, намекнул президенту, что больница – не лучшее место для пребывания настолько значимой особы. Варнионский вождь совету внял и приказал перевезти мессера в свой дворец. И очень вовремя приказал, потому что следующим на захудалую планету явился верзийский дар Дерек, старинный друг мессера, привезший с собой кучу лучших медикусов Ожерелья. Затем пришел рейдер Астрологического флота с какой-то шишкой из штаба, затем набитый журналистами пассер, а еще через час в сферопорт буквально ворвался флагман Лингийского флота с двумя доминаторами сопровождения – прибыл дар Антонио. Другими словами, когда «Пытливый амуш» оказался на Варнионе, провинциальная планета была похожа на Герметикон в дни заседания сената – от обилия важных персон рябило в глазах. Дары, их пышные свиты, военные, представители Химмельсгартна, куча адигенов с самых разных миров – друзья мессера, а также журналисты и богатые бездельники. Ошалевшие варнионцы важно рассказывали о катастрофе –

выяснилось, что ее наблюдала половина, если не больше, обитателей планеты, – и безбожно задирали цены на жилье и стол. Президент говорил речи и пытался подружиться с важными гостями в инвестиционных целях, а владельцы домов терпимости сделали десятилетнюю прибыль.

История чудесного спасения мессера надолго заняла первые полосы газет, но ответа на главный вопрос: где именно известный путешественник провел полтора года, публика не получила. Поговорив с братом, дар Антонио объявил, что мессер частично утратил память, и выразил надежду, что со временем недуг оставит Помпилио. Расследование обстоятельств катастрофы также ничего не показало. Определить принадлежность корабля, на котором мессер прибыл на Варнион, не удалось, а поскольку в команде цеппеля было много спорки, журналисты пустили слух, что знаменитый путешественник побывал в плену у пиратов.

Капитан грузовика получил солидное вознаграждение от дара Дерека и лингийский орден. Любознательным подросткам дар Антонио вручил по сотне цехинов и пообещал оплатить учебу в любой академии Герметикона, а счастливчик, отыскавший бамбаду мессера, заполучил кучу золота…»

Из дневника Оливера А. Мерсы, alh. d.

Несмотря на то, что Даген Тур считался одной из жемчужин дарства Кахлес, оживленным и шумным он так и не стал, поскольку располагался вдали от традиционных торговых путей. Добытое золото под охраной перевозили в столицу, в казначейство дарства, медь – второе богатство владения – поездами шла на заводы Черемхайдена, и туда же фермеры сбывали урожай. В итоге Даген Тур оставался тихим, уютным и полусонным городком, как и сто, и триста, и тысячу лет назад. И лишь одно отличало его от совсем уж замшелых лингийских провинций – здесь давно привыкли к визитам важных, сверхважных и коронованных особ, а потому появление больших кораблей не вызывало у местных особенного интереса.

Три цеппеля вынырнули из-за гор примерно в пять пополудни. Маленькая эскадра, составленная из двух роскошных флаг-яхт – «Эрмизанской девы», дара Антонио V Кахлеса, и «Белой розы», дара Конрада IX Селиджи, – и доминатора «Дер Каттер», разделилась у замка. Крейсер и «Белая роза» отправились к причальной мачте, а «Дева», на борту которой путешествовали дары, пристыковалась к Штандарту.

Лифт в главной башне отсутствовал, винтовая лестница была хоть и широкой, но довольно крутой, а потому владетель Даген Тура встретил коронованных гостей не на верхней площадке, как полагалось, а в тронном зале, который по-прежнему представлял собой рабочий кабинет. Встретил в вольной одежде – белая сорочка с кружевами, легкие брюки, – и сидя в инвалидном кресле, словно объясняя, почему не поднялся на Штандарт.

Впрочем, объяснения не требовались.

– Так вот где ты прячешься! И правильно: тронный зал – главное помещение любого дворца. Здесь сама атмосфера… – старый Конрад щелкнул пальцами, подбирая подходящее слово, – сама атмосфера бодрит. И навевает.

Неофициальность визита гости также обозначили одеждой: их классические месвары, несмотря на богатую отделку, считались повседневными, а оказавшись в зале, дары как по команде расстегнули верхние пуговицы, приняв совсем уж домашний вид.

– Антонио. – Приветствие прозвучало официально, а потому в ответ старший брат ограничился сухим кивком:

– Помпилио.

– Дядюшка Конрад. – Дер Даген Тур склонил голову.

– Здравствуй, мой мальчик, здравствуй. – Старый дар потрепал Помпилио по плечу. – Выглядишь вполне здоровым.

– Но наперегонки я вряд ли смогу бегать.

– Наперегонки?! Когда это адигены бегали наперегонки, мой мальчик? Мы не лошади, знаешь ли, нам нет нужды торопиться. – Продолжая посмеиваться, дар Селиджи плюхнулся в кресло и тут же обратил внимание на сервированный столик: – Вино? Какое?

– Белый сегир, дядюшка.

– Отлично! Антонио, поможешь старику?

Поскольку хозяин замка пребывал в инвалидном кресле, а конфиденциальность беседы исключала присутствие слуг, разливать бутылку выпало дару Кахлес. И он отлично справился со столь непростой задачей.

– Ноги – это важно, но главное, что ты живым выбрался с Ахадира, мой мальчик, главное – это. – Хрустальные бокалы соприкоснулись, издав мелодичный перезвон, легчайшее белое отправилось в путешествие по благородным организмам, и дар Селиджи продолжил: – Я знал, что если кто и сумеет добраться до Ахадира, то только ты, мой мальчик.

– Спасибо, дядюшка.

– Это не лесть.

Объявленная потеря памяти была призвана скрыть от общественности тот факт, что Помпилио побывал на Ахадире, на легендарной планете, до которой мечтали добраться все искатели приключений Герметикона. Побывал случайно, не по своей воле, но этот факт не умалял его заслуг. А полученная Помпилио информация оказалась настолько важной и пугающей, что дары приняли решение ее засекретить.

– Я всего лишь путешественник, которому повезло, дядюшка.

– Ты – национальное достояние Линги.

– И это тоже не лесть, брат, – вставил Антонио.

– Конечно, – скептически хмыкнул Помпилио.

Ему показалось, что он разгадал причину неожиданного визита, – поддержка. Дары прекрасно понимали, что искалеченный путешественник пребывает в депрессии, и прибыли ободрить его, показать, что не все потеряно.

– Напрасно смеешься, – строго произнес Конрад. – Я уверен, что, впервые поднявшись на борт «Амуша», ты не стремился прославиться, ты бежал… – Помпилио бросил быстрый взгляд на брата, тот остался невозмутим. – Но странствия создали тебе репутацию, мой мальчик, сделали известным.

– Ты посещал далекие планеты, открывал новые миры и проявлял чудеса героизма. – Дар Антонио выдержал короткую паузу и скромно добавил: – А мы делали так, чтобы твои успехи с придыханием описывали газетчики.

– Меня это раздражает.

– Зато теперь, услышав название Линга, жители Герметикона в первую очередь вспоминают тебя, отважного путешественника и настоящего героя. – Конрад улыбнулся: – Хочешь ты того или нет, но ты – лицо Линги.

«Нет, они слишком прагматичны, чтобы лететь в Даген Тур только для того, чтобы ободрить меня. Им что-то нужно…»

Помпилио глотнул вина:

– И еще я очень удобная фигура для решения тонких политических задач, дядюшка, мы это проходили.

– Ты превосходно справлялся, – с энтузиазмом воскликнул старый дар.

– Сейчас я не в настроении.

– Ты скучаешь, и мы решили помочь тебе развеяться. – Дар Антонио улыбнулся уголками губ. – Есть нетривиальная задача, брат.

А вот и предложение. Воспитание не позволило Помпилио отказаться сразу, пришлось обозначать интерес, который в действительности напрочь отсутствовал:

– О чем идет речь?

Дар Конрад кивнул, дар Кахлес вскрыл вторую бутылку белого и наполнил бокалы. Наблюдать за тем, как один из двенадцати верховных правителей Линги и авторитетнейший лидер могущественного Лингийского союза обслуживает компанию, было весьма забавно.

– Тебе что-нибудь говорит название Кардония? – осведомился Селиджи.

– Неинтересное, – тут же отреагировал Помпилио.

– Там назревает война.

– Серьезная?

– Серьезная? – Дар Конрад махнул рукой. – Помпилио, мой мальчик, о чем ты говоришь? Откуда на провинциальной планете взяться серьезной войне? Вот когда мой прапрапрадедушка сцепился с вашим прапрапрапрадедушкой за устье Ригоссы, это было серьезно. А на Кардонии так, мелочь.

– Ригопорт построили Кахлесы, – тут же произнес дар Антонио.

– Город наш по праву, – поддержал брата Помпилио.

– И ваш уважаемый прапрапрапрадед это право подтвердил. – Дар Селиджи с улыбкой оглядел насупившихся братьев и улыбнулся: – Но попробовать стоило.

Последняя крупная междоусобица случилась на Линге в самом начале Этой Эпохи, но раньше гордые адигены частенько проверяли соседей на крепость.

– Вернемся к Кардонии, – предложил Помпилио.

– По определенным причинам мы не хотим направлять туда официального представителя, а ты, мой мальчик, по собственному признанию, – удобная фигура.

Никаких официальных должностей, кроме как в Астрологическом флоте, но при этом – близкий друг многих правителей Герметикона. Дары обращались к Помпилио редко, слишком уж много времени он проводил на окраинах освоенной Вселенной, и дер Даген Тур никогда не отказывал. Раньше не отказывал.

– Войну разжигает Компания?

– Да, – подтвердил дар Антонио.

– Неинтересно.

– Почему?

– Хватило Заграты. – Помпилио помолчал. – У Компании грязные методы.

– Новые времена, мой мальчик, сейчас всех интересует результат, а не процесс. – Старый дар вздохнул. – Правила умирают.

– Пока тебя не было, Компания существенно расширила сферу своего влияния, – сообщил дар Антонио. – Нам навязывают большую игру, брат. Или мы ее принимаем, или сдаемся.

Помпилио видел, что дары предельно серьезны. Они шутили, называли Кардонию провинциальной, высокомерно посмеивались, но в их глазах читалось напряжение. Дары смотрели вперед, анализировали настоящее, чтобы понять контуры будущего, и им не нравилось то, что они видели.

Стихийная колонизация планет, произошедшая в эпохи Инезирской династии и Белого Мора, привела к разрыву традиционных связей. Подавляющее большинство новых миров отказалось от адигенской формы правления, и теперь, в эпоху воссоединения, старая знать постепенно теряла позиции. Миры Ожерелья все еще оставались самыми развитыми в Герметиконе, самыми влиятельными в политическом плане, а созданные адигенами союзы были мощны, но как долго продлится мирное сосуществование старых вождей и новых, предсказать не мог никто.

– Я отсутствовал полтора года и плохо понимаю нынешние реалии, – негромко произнес Помпилио. – Если дело серьезное, вам нужен осведомленный человек.

– Люди, которые нам интересны, отнесутся к тебе гораздо лучше, чем к любому другому посланнику, – быстро ответил дар Антонио. – Мы все тщательно обдумали.

– Но забыли спросить меня.

– Вот, спрашиваем.

– Я не хочу.

– Мы не объяснили, почему не хотим направлять официального посланника, – размеренно произнес дар Конрад. – Дело в том, мой мальчик, что Кардония исторически входит в зону влияния Кааты и наши друзья пытаются сами справиться с ситуацией.

– Ты ведь знаешь каатианцев – они прижимисты и не любят, когда чужаки лезут в их огород.

– Пусть даже в огороде полным-полно зайцев.

– Раз в год в Унигарте проходит крупная выставка вооружений. На Кардонии весьма развита промышленность, а потому на выставку съезжается множество гостей с окрестных планет. Каатианцы убедили Ушер и Приоту провести переговоры во время выставки.

– Если одной из сторон управляет Компания, переговоры ни к чему не приведут, – заметил Помпилио, грея в ладонях бокал. – Компания крепко держит своих лакеев.

– Компания контролирует Приоту, – уточнил дар Антонио.

– Не важно.

– Важно, потому что Ушер обладает мощной армией и есть вероятность, что галаниты отступят.

– Зачем нужен я?

– Наблюдать за ходом переговоров, помогать каатианцам.

– А если потребуется – намекнуть Ушеру, что Линга в нем заинтересована, – продолжил дар Конрад. И со вздохом закончил: – Мы не можем потерять Кардонию, мой мальчик, не можем, и все.

– Она находится в центре Кардонийского сплетения и обладает огромным промышленным потенциалом. Если каатианцы проиграют, Компания получит великолепный плацдарм для продвижения в Южный Бисер.

– Мы же наверняка потеряем Эрси, которая сейчас вполне предсказуема. А Эрси – это серьезная армия.

– Каатианцы едва не проспали Заграту, но ничему не научились, – с жаром произнес дар Антонио. – Они до сих пор косо смотрят на Нестора и периодически намекают, что следует вернуть власть отпрыскам Генриха. Мнят себя прожженными интриганами, но директора-наблюдатели поняли, что это слабое звено Ожерелья, и целенаправленно атакуют их сектор.

– Вам нужен опытный дипломат, – мрачно произнес дер Даген Тур. – Отправьте на Кардонию дядюшку Стефана, он мигом всех помирит.

– Стефан – отличный дипломат, – согласился Конрад. – И поэтому его будут держать на расстоянии. Ты же окунешься в самую гущу событий.

– Ты плохо слушал, брат, – каатианцы не хотят нашего участия.

– После того как мы договорились с Нестором, каатианцы чувствуют себя ущемленными, – тонко улыбнулся дар Селиджи. – Хотя им досталось одно загратийское дарство из трех.

– Но не вся планета, – хмыкнул Помпилио.

– Всю планету они проспали, – жестко ответил дар Антонио. И тут же, совсем другим тоном продолжил: – К тому же Кардонийская выставка – это нечто особенное, ты наверняка присмотришь что-нибудь интересное для «Амуша». И для нашей армии.

– Я плохо знаю, что нужно нашей армии.

– На этот счет не волнуйся, мой мальчик: в Унигарт отправится доминатор «Дер Каттер», битком набитый специалистами.

– Мы пригласили капитана «Дер Каттера» на ужин, – деловито сообщил дар Кахлес. – Вам нужно познакомиться, брат, на Кардонии капитан дер Вигге поступит в твое распоряжение.

– На всякий случай, мой мальчик, на всякий случай… Капитан дер Вигге решительный и смелый офицер, у него есть тяжелые пушки и будет рота егерей. На всякий случай… Вино, кстати, прекрасное… – Дар Конрад подмигнул Помпилио. – А капитан дер Вигге получил четкие инструкции: он исполнит любой твой приказ. Абсолютно любой. Он смелый и решительный офицер.

– Я еще ничего не решил.

– Я помню.

Помпилио выдержал паузу, бросил взгляд в окно, из которого виднелся эллинг «Амуша», и негромко спросил:

– Выставка действительно интересная?

– Последние четыре года на ушерских промышленников работал Павел Гатов, – произнес дар Антонио.

Гатов. Это имя объяснило все.

Помпилио побарабанил пальцами по подлокотнику кресла и с улыбкой спросил:

– Что вам нужно от Гатова?

– Предложить контракт на любых условиях, – честно ответил дар Конрад. – Но он с нами не разговаривает.

– Павел, как и все гении, слегка чокнутый, – вздохнул дар Антонио.

– Напоминает ребят, которых ты собрал в команду, мой мальчик.

Намек был более чем прозрачен.

– Вы надеетесь, что я смогу найти с Гатовым общий язык? – усмехнулся дер Даген Тур.

– Почему нет? Ты умеешь обращаться с такими – людьми.

– Когда мне это нужно.

– А когда это нужно Линге?

Обычно, когда что-то требовалось Линге, Помпилио был готов на все, но почему теперь? Почему в самый паскудный момент его жизни?

– А когда я не могу? Когда у меня нет желания ничем заниматься? – Он отвернулся. Он не хотел продолжать, но рядом сидели близкие люди. Не дары, а те, кого он знал с детства, на чьих глазах вырос, кому доверял, и потому дер Даген Тур продолжил. Глухим голосом продолжил: – Вчера я читал отчеты Астрологического общества… пытался читать. Я надеялся, что чужие приключения меня раззадорят, но вышло только хуже. Я не могу думать о путешествиях.

– Это говорит о том, что ты не готов к своим обычным приключениям, – тихо произнес Антонио. – Ты много пережил, и твои мытарства продолжаются, так что…

– Только от тебя зависит, как долго продлятся мытарства, – перебил Кахлеса Конрад. – Поверь старику, мой мальчик, только от тебя.

– Я потерял вкус к жизни, – признался Помпилио. – Я не смогу достойно представить Лингу в столь сложном деле. Мне на все плевать.

Дары помолчали. Переглянулись и еще помолчали. Конрад вздохнул, Антонио едва заметно пожал плечами. Разговор, судя по всему, закончился.

– Я благодарен вам за заботу, но вы обратились не к тому человеку, – по-прежнему негромко произнес Помпилио. – Я не готов.

– Ты всегда готов, брат, и ты это знаешь, – уверенно заявил дар Антонио. – Ты – Кахлес, и ты – сильный.

Дер Даген Тур промолчал.

– Надеюсь, не откажешь капитану дер Вигге в ужине?

– Он знает много анекдотов?

Дар Антонио рассмеялся.

– Кстати, я упоминал, кого каатианская Палата даров назначила посланником? – небрежно поинтересовался Конрад.

Помпилио вздрогнул.

– Кажется, нет, – подыграл старику дар Антонио.

– Человеком, который должен примирить кардонийцев, станет молодой, но многообещающий дипломат Фредерик дер Саандер. – Дар Селиджи выдержал паузу. – В ближайшее время Фредерик со своей супругой Лилиан отправится на Кардонию. Выставка-то вот-вот начнется.

– Прямо перед ужином имеет смысл прогуляться по крепостной стене, – легко произнес Антонио. – В это время года на озере Даген потрясающие закаты.

«Со своей супругой Лилиан… Со своей супругой…»

Помпилио знал, что Лилиан вышла замуж, но не ожидал, что простая констатация этого факта ударит его настолько сильно.

– Вы приберегли хороший козырь.

Дары деликатно промолчали. Они были лингийцами, они всегда припасали главный козырь для последнего удара.

«Со своей супругой Лилиан… Со своей…»

А в следующий миг из глубины души поднялся неслышный, но необычайно громкий и яростный рев раненого зверя:

«С моей Лилиан!»

* * *

«Если вы хотя бы чуть-чуть интересуетесь наукой… А впрочем, кто в наш просвещенный век ею не интересуется? Кто? Наука в моде. Наука ведет человечество вперед, открытия меняют жизнь, а главное – делают исследователей богатыми. Смотрите сами: компания «Бергер» – ее основатель сделал огромное состояние, придумав пишущую машинку, «Флотак-Бе» наводнил Герметикон фотоаппаратами собственной, весьма удачной конструкции, «Триада» – крупнейший концерн, основанный тридцать лет назад тремя нищими алхимиками, и список этот можно продолжать. Человечество вступило в замечательный, восхитительно прекрасный век, в котором на первое место вышли знания и ум. Обывателям, даже тем, кто с трудом окончил начальную школу, стало неприлично считаться профанами в научных вопросах и не знать знаменитых ученых Герметикона.

И уж тем более – Гатова.

История о том, как простой мальчишка стал легендой, вот уже двадцать лет будоражит умы, и многие начинающие ученые (не скрою, и я в том числе) примеряли на себя его судьбу. И самые умные из нас с печалью поняли, что стать Гатовым нельзя – им нужно родиться. Пусть даже на провинциальной планете.

Согласно официальной биографии, Павел появился на свет на Кардонии, на архипелаге Ушер, в семье бедного рыбака. Потом, когда он прославился, ушлые репортеры «находили» у Гатова адигенские или галанитские корни – в зависимости от того, кто оплачивал «исследования», однако все эти домыслы полная ерунда, и сам Павел не раз подчеркивал, что по происхождению он обыкновенный кардонец.

Когда Гатову исполнилось одиннадцать, отец взял его в море, приучать, так сказать, к взрослой жизни, однако результат получился неожиданным. Пробыв на рыболовецком судне всего один день, мальчишка отправился к капитану и рассказал, как следует изменить конструкцию трала,

чтобы улучшить его работу. И был немедленно выпорот за нахальство и безделье. Однако идею капитан услышал, по возвращении на берег обсудил ее с портовыми механиками и выяснил, что неграмотный щенок сделал оригинальное и весьма эффективное изобретение. Которое принесло Павлу первые деньги: ушлые механики за смешную сумму купили у папаши Гатова патент. Возможно, на этом карьера вундеркинда завершилась бы, но забавная история попала в газеты, Павлом заинтересовались ушерские инженеры, и вскоре он оказался в знаменитой Механической гимназии Тахасы. И принялся демонстрировать невероятные способности к получению знаний. За пять лет Гатов прошел десятилетний курс, затем поступил в университет Тахасы и через три года стал самым молодым в его истории магистром. За время обучения он сделал четыре изобретения и написал шесть научных статей, которые открыли ему двери в престижную Вибритарскую академию Герметикона, и через два года Гатов стал магистром алхимии.

Потом была блестящая работа на Бахоре, постройка самой современной во всем Герметиконе электростанции на Жухазе, усовершенствование цеппелей, новые паротяги и паровозы, блестящие алхимические опыты и выдающиеся статьи об электричестве… Гений Гатова не ограничивался одной областью, Павла интересовали все направления науки, и везде он добивался поразительных результатов…»

Из дневника Андрееса О. Мерсы, alh. d.

Из всех военных объектов Ушера Мелепорт идеально подходил на роль секретного испытательного полигона. База занимала целый остров, который особняком стоял к востоку от архипелага, – суда и дирижабли приотцев так далеко не забредали, – обладал большой бухтой и несколькими долинами, скрытыми от посторонних глаз высокими горами. Мелепорт принадлежал военным, но работали на его полигонах не только с оружейными системами. Бурный рост промышленности, случившийся в Герметиконе в Эту Эпоху, привел к столь же бурному развитию промышленного шпионажа, и ушерские магнаты давно научились оберегать свои тайны от конкурентов с других планет. А потому на уединенном острове испытывались не только новые пушки, бомбы, взрывчатые вещества и бронетяги, но и паротяги, паровозы и мирные паровинги.

Впрочем, и военные, и промышленники прекрасно понимали, что любое новое изобретение, даже сугубо мирное на первый взгляд, может пригодиться армии.

– Почему нет пулеметных башен?

– Не сейчас, – отмахнулся листающий записную книжку Гатов. – И вообще, не отвлекай меня.

Павел сидел на толстом чугунном кнехте, у носа пришвартованного паровинга, и всем своим видом показывал, что не намерен отвлекаться на такую ерунду, как разговор с начальником Генерального штаба вооруженных сил Ушера.

– Как это – не сейчас? – возмутился адмирал. – Я еще могу понять отсутствие орудий – они и в самом деле много весят. Но ни один приличный паровинг не может обойтись без пулемета! Не может!

– Никаких пулеметов, – потряс головой Павел. – Лишний вес. – Однако все его внимание было сосредоточено на покрывающих листы каракулях. – Потом переговорим, ладно? Я занят.

К счастью для Гатова, свиту Даркадо с собой не взял, в противном случае нахальство могло обойтись ученому очень и очень дорого.

– Синьор адмирал, вы ни в коем случае не должны обижаться на магистра, – подскочил к закипающему военному Бааламестре. – Перед серьезными экспериментами Павел всегда немного не в себе и не отвечает за свои слова.

– Не отвечает?

– Увы.

До сих пор старый адмирал практически не встречался с Гатовым – пара светских мероприятий, на которые Павла приводил Дагомаро, не в счет, – слышал, разумеется, о своеобразной манере поведения гения, но был уверен, что уж в его присутствии Гатов поведет себя прилично. И ошибся.

– Он псих?

– Ни в коей мере, синьор адмирал. Или же слегка. – Каронимо понизил голос. – Магистр – увлеченный человек, и даже консул Дагомаро не обижается на его выходки. Я вам ничего не говорил… ну, вы понимаете… Магистр способен огрызнуться на кого угодно.

– Консул? – недоверчиво протянул Даркадо.

– Он, – подтвердил Бааламестре.

Каронимо, друг, названый брат, менеджер и ближайший помощник Гатова, умел располагать к себе людей – пришлось научиться, учитывая отвратительные манеры Павла.

Не дылда, но достаточно рослый, не толстый, но плотный, плечистый, Бааламестре производил впечатление энергичного, но не суетливого человека, который действует быстро, но обдуманно. Круглое лицо Каронимо напоминало о предках-фермерах, от которых ему также достались нос картошкой, толстые губы, большие щеки и умение напускать придурковатый вид. О своих длинных светлых волосах Бааламестре заботился, мыл их часто, а вот бороды недолюбливал, но, поскольку все взрослые половозрелые ушерцы носили их в обязательном порядке, Каронимо выращивал на щеках щетину, которая, впрочем, ему шла.

– Для чего нужен безоружный паровинг? – недовольно поинтересовался Даркадо.

– Для рекорда, синьор адмирал.

– У нас война на носу.

– А я должен понять, как будут развиваться паровинги, – резковато бросил Гатов, не отрываясь от записной книжки. – И хватит орать, вы меня сбиваете.

– Гений, что с него взять? – Бааламестре мягко взял Даркадо под ручку и повел вдоль пирса, у которого тихо покачивался заинтересовавший старика паровинг – четырехмоторный красавец без оружия и опознавательных знаков. – Вы ведь помните, синьор адмирал, насколько важны для Ушера разработки магистра? Можно и потерпеть.

Поскольку подчиненные поблизости отсутствовали, Даркадо решил не спорить и сказал как есть:

– Я терплю.

– А я представляю, каких усилий вам это стоит, – разливался соловьем Каронимо. – Но что делать, синьор адмирал, общение с гениями требует определенных… гм… жертв.

В отличие от Гатова, чья манера одеваться делала его похожим на цепаря, Бааламестре выглядел ученым. Ну, не совсем ученым, скорее, чокнутым провинциальным изобретателем пустотного парошаголета повышенной комфортности, но все-таки не межпланетным бродягой. Поверх сорочки с длинными рукавами, закатанными или опущенными в зависимости от погоды, Каронимо таскал жилет с многочисленными карманами, в которых водилась всякая полезная мелочь, включая инструмент и карандаши. Жилет был пошит по индивидуальному заказу, и Бааламестре безумно им гордился, больше даже, чем щегольскими штанами с накладными карманами, некоторые из которых смахивали на накладные сумки, а то и рюкзаки. Завершали костюм цепарские башмаки, перчатки с отрезанными пальцами, массивные походные часы на левой руке и щегольская круглая шляпа с загнутыми полями.

– Гатов – невоспитанный щенок. – Даркадо покосился на серьги в ушах Бааламестре: золотое кольцо в левом и бриллиантовый «гвоздик» в правом, и добавил: – Ты тоже подозрителен.

– Понимаю, – вздохнул Каронимо, – но если я приму приличный вид, Павел перестанет меня узнавать.

И улыбнулся.

Улыбка у Бааламестре получалась своеобразной: с одной стороны, весьма дружелюбной, с другой – несколько отталкивающей, поскольку под толстыми губами Каронимо скрывались крупные кривые зубы. Да еще желтые, как слюна стерча.

Несколько секунд Даркадо таращился на улыбающегося Бааламестре так, словно впервые увидел эту круглую рожу, после чего пробормотал себе под нос старинное военно-морское ругательство и поинтересовался:

– Зачем нужен сверхвысотный паровинг?

– Магистр хочет понять пути развития авиации, синьор адмирал.

Однако эти материи были слишком далеки от старого вояки.

– В чем смысл? Аэропланы все равно не поднимаются выше пятисот метров.

Даркадо слыл превосходным тактиком, считался неплохим политиком, но в стратегических вопросах «плавал», и потому искренне не понимал, для чего тратить время и ресурсы на улучшение паровингов, если они и так превосходят аэропланы вероятного противника?

– Имеет смысл готовиться к их развитию, – дипломатично ответил Бааламестре.

– Думаешь, галанитам или кому-нибудь еще удастся поднять аэропланам потолок?

– Обязательно.

– Когда?

– Возможно, скоро. – Каронимо почесал подбородок. – Сейчас аэропланы проигрывают и паровингам, и цеппелям. Но Компания делает на них ставку, а значит, будет совершенствовать. Обязательно будет.

– Возможно, скоро… – задумчиво повторил адмирал. И неожиданно поинтересовался: – Как высоко хочет забраться Гатов?

– На две или три лиги.

– Как получится, – добавил подошедший Павел. Он сунул записную книжку в карман, провел рукой по волосам и в упор посмотрел на Даркадо: – Поедешь с нами?

– Что?

Старик побагровел, у Бааламестре отвисла челюсть, а магистр зевнул Даркадо в лицо и безмятежно пояснил:

– Ты не понимаешь, чего я хочу, а я не могу тратить время на объяснения, показать быстрее. Поедешь с нами – увидишь, не поедешь – не узнаешь.

– Что ты хочешь мне показать?! – рявкнул взбешенный адмирал.

А перепуганному Каронимо показалось, что золотые эполеты белоснежного мундира чуть приподнялись, собираясь змеями наброситься и придушить обнаглевшего ученого.

– Там – небо, высоко. – Магистр ткнул пальцем вверх. – Так высоко, как ты не был. Не забыл, как летают, адмирал? – Гатов прищурился. – Если что, у нас есть парашюты. Мы наденем его на тебя и выбросим. Ты спасешься.

Первая реакция Даркадо была понятна и очевидна: адмирал до боли сдавил жезл, правая его рука дернулась, но… Но замерла на полпути к невысокому наглецу. Замерла, потому что на старика накатило прошлое. Воспоминания о той поре, когда он, безусый и безумно влюбленный в небо щенок, сел за штурвал первого на Кардонии паровинга. Перед глазами Даркадо встал его первый самостоятельный полет, паровинг, летящий сквозь густые облака, и звонкий хохот… И упоительный восторг человека, сумевшего забраться необычайно высоко.

– Не слушайте магистра, синьор адмирал, Павел нервничает, поскольку нам предстоит…

Даркадо оттолкнул Бааламестре и глухо спросил:

– Почему не летят испытатели?

– Я должен сам все увидеть, – серьезно ответил Гатов. – Каронимо за штурвалом, я рядом. Если птичка подавится, на мне не будет чужой крови.

И Даркадо окончательно передумал его бить.

По той простой причине, что чокнутый ученый готов рисковать своей шкурой. И еще потому, что сейчас Даркадо уже не был адмиралом, кавалером всех орденов Кардонии, начальником Генерального штаба вооруженных сил Ушера и стариком. Перед невоспитанным гением стоял влюбленный в небо щенок, которому предложили невероятное приключение. И еще потому, что на наглость магистра следовало ответить так, как умеют отвечать настоящие летчики.

– Я буду пилотом, – решительно произнес Даркадо.

– Предполагалось, что я… – начал было Каронимо, но тут же заткнулся.

– Ты будешь вторым, – отрезал адмирал, даже не посмотрев на Бааламестре. – Я вам, засранцам, покажу, что значит ставить рекорды.

– Договорились! – Гатов хлопнул Даркадо по плечу. – Договорились!

Первые паровинги начали строить лет через сто после появления цеппелей. Люди убедились, что способны летать, и энтузиасты задумались над созданием новых машин – тяжелее воздуха. Не потому что цеппели не нравились, просто хотелось нового – людям это свойственно.

Но хотеть нового и добиться его – это разные истории.

Самые ранние паровинги, как и следовало ожидать, были никуда не годны. Оснащенные тяжеленными паровыми двигателями, перегруженные собственным весом, они с трудом пробегали до конца поля и в лучшем случае неловко подпрыгивали, вызывая безудержный цепарский смех. Через некоторое время серьезные люди поставили на аппаратах тяжелее воздуха крест, однако поторопились. Людям это свойственно – торопиться.

Годы складывались в десятилетия и века, а число приверженцев сумасшедшей идеи не уменьшалось. Ведь самый простой способ прославиться – совершить невозможное, и энтузиасты бились над тем, чтобы поднять в небо самолеты. Постепенно пришло понимание, что крылья должны быть неподвижны – на первых паровингах они неуклюже трепыхались, имитируя маховые движения птиц. Пришло понимание, что крылья не должны быть плоскими, – додумались до подъемной силы, заложив основы аэродинамики… Разработки энтузиастов обогащали всю науку Герметикона, но к собственной цели они приближались с мучительной неторопливостью. Главным препятствием создания полноценного паровинга был чересчур объемный и тяжелый паровой механизм, работающий на Философских Кристаллах, и лишь получение легкого, но прочного ильского сплава, создание паротурбинного кузеля и современных тяговых электродвигателей, тоже тяжелых, но способных развивать необходимую мощность, позволило крылатым машинам наконец-то подняться в небо. Но достойного места они так и не заняли.

Да, паровинги были быстрее цеппелей, менее зависимы от погоды, зато брали мало груза и требовали хорошо подготовленных аэродромов. Кроме того, применение кузеля диктовало размеры: паровинги получались большими, а значит – дорогими, что тоже ограничивало возможности их использования, но… Но был в Герметиконе мир, где паровинги пришлись ко двору, – Кардония, а точнее, архипелаг Ушер. Именно для него, объединяющего триста с лишним островов, морские паровинги, построенные по принципу «летающей лодки», стали настоящей находкой.

– Как машина, синьор адмирал? – осведомился стоящий за его спиной Каронимо.

– Машина? – Даркадо холодно покосился на съежившегося в кресле второго пилота Павла, поморщился, но ответил честно: – Машина хороша, Бааламестре, этого не отнять.

– Мы старались, синьор адмирал.

– Я вижу.

Переодеваться в летный комбинезон и шлем старый вояка не стал, снял галстук, сменил китель на цапу и в таком виде отправился в полет. Обычно адмирал не давал спуску нарушителям устава, однако сейчас им управлял позабывший о правилах мальчишка, который терпеть не мог муштру и дисциплину. Сейчас Даркадо переживал настоящее приключение, возможно последнее в жизни, и хотел насладиться им в полной мере.

– В молодости я любил покорять вершины…

– Лазали по горам, синьор адмирал? – удивился Каронимо.

– Отличный спорт, между прочим.

– Поверю на слово.

Даркадо поджал губы, но сдержался, грубить не стал, цокнул языком и продолжил:

– Так вот, пузатый, в свое время я стоял на вершине Дылды, а это, между прочим, три лиги, как раз та высота, на которую мы хотим подняться.

– Ты не просто так об этом вспомнил, – быстро произнес Гатов.

– Сынок, разве тебя не учили говорить людям «вы»?

– На вершине, – напомнил магистр. Его интересовали только факты. – Что там случилось?

Старик вздохнул, но ответил:

– Там тяжело дышать.

Ученые переглянулись.

– Разреженная атмосфера, – протянул Павел. – Когда я дорабатывал кузель, я это учел. – И тут же поправился: – Но только кузель, о людях я не думал.

– Кузель без пилота – всего лишь кусок металла.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо осведомился Бааламестре.

– Пока хорошо, но мы еще у самого моря. – И Даркадо рассмеялся.

Настроение было отличным. Паровинг послушен, как хорошо дрессированный пес, двигатели, насколько можно судить по шуму, работают ровно, и тяжелая машина степенно набирает высоту – пару минут назад они преодолели половину лиги.

– Можно предусмотреть баллоны с кислородом, как это делают в цеппелях, – негромко произнес Каронимо. – И подавать газ по мере необходимости.

– И нужно хорошо герметизировать кабину, наверху холодно. – Даркадо вновь рассмеялся. – О чем вы вообще думали?

– Извините, синьор адмирал, но печь утяжелит конструкцию.

– Поставьте двигатели мощнее.

– Можно использовать тепло кузеля, – пробормотал Гатов, сосредоточенно грызя ногти правой руки. – И передавать его в помещения с помощью… Эй, что ты делаешь?! – Адмирал потянул штурвал на себя и резко увеличил скорость. – Подниматься нужно медленно!

– Я взбирался на Дылду трое суток, сынок, мне пришлось ночевать на склоне. – Скорость прибавлялась. И высота – тоже. – Но на гору я поднимался для удовольствия, а мы испытываем боевой паровинг и не можем тратить время. Боевая машина должна быстро набирать высоту!

– Мирная машина!

– Боевая!

Кузель надрывался так, что корпус стало трясти.

– Лига! – выкрикнул Каронимо, хотя и Павел и Даркадо прекрасно видели ползущую вправо стрелку. – Слишком быстро!

– Или машина работает так, как мне нужно, или ее место на свалке! – Адмирал не сводил глаз с лобового стекла. – Вперед и вверх, сынки, вперед и вверх.

– Мы должны проверить, сможет ли паровинг вообще подняться на такую высоту!

Полторы лиги.

– Проверим все сразу! – пообещал раскрасневшийся Даркадо. В его глазах горело пламя. – Надежность в том числе!

Резкий порыв ветра ударил в борт, машину тряхнуло, Бааламестре вздрогнул, Гатов вцепился в подлокотник, но старый адмирал удержался на курсе.

– Паровинги менее маневренны, чем аэропланы, зато быстры. И мы должны использовать наше преимущество!

– Двести лиг в час! – Бааламестре с ужасом смотрел на показания приборов. – Высота – две лиги!

– Не так быстро, – попросил Павел, – адмирал…

– Ты ведь чокнутый, Гатов, – расхохотался старик. – Тебе плевать на правила. И тебе должно нравиться то, что я делаю!

Две с половиной лиги.

– Не так быстро, – простонал Каронимо. Его затрясло, то ли от страха, то ли от холода, – температура в кабине паровинга падала на глазах.

Дрожало все, что могло дрожать. И выло, все вокруг выло. Дыхание рождало облака, тепло было только позаботившемуся о цапе адмиралу, ученых трясло. Скорость – двести пятьдесят лиг в час.

– Не так быстро!

– Нельзя замедляться, придурок, нас тут же бросит вниз. А нам нужно вверх! Вперед и вверх!

– Да! – неожиданно для Бааламестре выкрикнул Гатов. – Да!

И заслужил одобрительное:

– Мне нравится, что ты снова спятил, сынок, теперь мы говорим на одном языке!

Три лиги.

Сказать, что паровинг болтало, – не сказать ничего. Машину трясло так, что скрип фюзеляжа заглушал вой турбины. Корпус ходил ходуном, и Бааламестре, чтобы удержаться на ногах, вцепился в кресло второго пилота. В котором веселился поймавший кураж Павел.

– На стекле появился лед!

– А ты думал, здесь так же жарко, как внизу?

– Я вообще об этом не думал!

– Идиот!

– Я знаю!

Гатов принялся лихорадочно чиркать что-то в записной книжке.

– Меня сейчас вырвет!

– Получишь два наряда, пузо!

– Хоть десять!

– Первый двигатель глохнет! – деловито сообщил Павел, не отрываясь от записной книжки. – Я слышу.

– Ресурса остальных достаточно?

– Да!

– Тогда вперед и вверх!

– Согласен, старик!

Три с половиной лиги.

– Мы все умрем!

– Ты говорил, что на борту есть парашют. Надень его и выкинься, раз страшно!

– Адмирал!

– Тихо, толстый, я занят! – Старик не сводил глаз с неба. С чердака неба, на котором он никогда не был.

Скорость, высота, болтанка и хриплое дыхание. Надрывались все: и люди, и машина, но паровинг упрямо таранил небо, словно Даркадо решил вывести его прямиком в Пустоту.

Четыре лиги.

Видимость ноль, сбоят уже два двигателя, давление в кузеле падает, старик смеется, Каронимо бормочет молитву, а Павел удовлетворенно захлопывает записную книжку и прикасается к плечу Даркадо:

– Кто-то должен сообщить, что эксперимент прошел удачно.

Старик смотрит на магистра, и тот добавляет:

– Синьор адмирал. – Пауза. – Вы.

– Не только ты умеешь выходить за грань, Гатов, – скрипит Даркадо. – Не только ты.

Старые руки крепко держат штурвал, направляя паровинг вперед и вверх.

– Я это понял, – шепчет магистр.

– Вот и молодец.

Четыре лиги, куда уж больше? Адмирал вздыхает и направляет машину вниз. Рекорд есть, приключение закончилось, и настроение на пять с плюсом. И будет оставаться таким еще долго. Очень-очень долго.

– Я все еще пилот, сынок, я все еще пилот.

– Вы – лучший.

– Это невозможно, – стонет Бааламестре и складывается пополам, стремительно избавляясь от завтрака.

– Откуда ведро? – поинтересовался Даркадо.

– Припас на всякий случай, – докладывает магистр.

– Ты действительно гений, – ухмыльнулся старик. – И выглядишь не таким нахальным, как на земле.

– Я ведь сказал, что все понял.

– Но машину ты построил отличную, – продолжил адмирал. – Я думал, мы развалимся на двух лигах.

– Я тоже.

– Хорошо, что мы думали неправильно.

Лед постепенно сходил со стекла, и испытатели увидели на горизонте маленькую точку – Мелепорт. Такой родной, такой желанный…

– Спасибо, – тихо произнес Павел.

– За что?

– Без вас мы не забрались бы так высоко, синьор адмирал.

– Не за что. – Даркадо помолчал, улыбнулся и закончил: – Вперед и вверх, сынок, вперед и вверх. Пусть эта фраза станет и твоим девизом.

* * *

– А я так скажу: фотографии ваши – ерунда новомодная! – горячился пожилой фермер за соседним столиком. – Сегодня они есть, а завтра все забыли, чего-нибудь еще придумали. А картины – вот они, триста лет висят и еще столько же будут!

И фермер махнул рукой на стены, где между старинным оружием и доспехами красовались аляповатые работы провинциальных мастеров кисти, изображающие наиболее значимых посетителей харчевни, как поодиночке, так и компаниями. Традиция сия возникла на десятую годовщину сноса общественной конюшни и свято почиталась завсегдатаями «Дуба».

– Так ведь картины никто не снимает, – попытался урезонить фермера собеседник. – Будут вместе с фотографиями висеть.

– Это они сейчас говорят, что будут, а завтра возьмут да все поменяют.

– Не рискнут, – уверенно ответил рассудительный. – Зачем все переделывать?

– Ты сам сказал: новое время.

– Ну…

– Вот тебе и «ну».

Порою здоровый лингийский консерватизм давал настолько удивительные всходы, что оставалось лишь руками развести. Обсуждение предложенного новшества шло в «Золотом дубе» уже третью неделю. Специально выделенная стена пестрела короткими записками и целыми трактатами разнонаправленного содержания, шумные дискуссии собирали десятки участников, а предстоящее в ближайшее воскресенье голосование грозило прибытием всего населения Даген Тура, включая трезвенников, язвенников и грудных младенцев. Традиция трещала под напором новомодного фотографического искусства, и никто не мог с уверенностью сказать, чем закончится противостояние.

Однако офицеры «Амуша» были озабочены куда более важной темой.

– На Кардонию? – переспросил Бедокур.

– Так сказал Валентин, – уточнил Хасина.

– Валентин зря не скажет, – уныло протянул Бабарский. И вздохнул.

– Ты что, расстроился? – удивился Мерса.

– Не уверен, что мессеру сейчас следует отправляться на цивилизованные планеты, – пробурчал ИХ. – Нет лучшего способа развеяться, чем оказаться в какой-нибудь дикости.

– Кардония – это хорошо, ипать-копошить, – ухмыльнулся Галилей. – У меня как раз свуя заканчивается, а на диких планетах трудно отыскать достойных поставщиков.

– На диких планетах трудно отыскать удобные дороги и пролетки с мягкими рессорами, – произнес Бедокур. И перевел взгляд на медикуса: – Что у мессера с ногами?

– С одной получше, месе карабудино, с другой… – Альваро поморщился и честно ответил: – С другой – так себе.

– А ты для чего?

– Я стараюсь: ежедневный массаж, упражнения, – мази…

– Порошки пропиши, ты в них мастак.

– В порошках Галилей мастак, – съязвил Хасина.

– Мои порошки мессеру вряд ли помогут, – пробормотал астролог. А в следующий миг оживился: – Правда, есть на примете одна веселая смесь, ипать-копошить, но эффект краткосрочный, на пару часов, не больше.

– Порошки не всегда помогают, – авторитетно сообщил Бабарский. – Вот, к примеру, выгнуло меня позавчера хроническим защемлением, я в аптечке порылся, отыскал что-то от изжоги, но выгиб только компрессом снял, который мне Альваро наложил.

– Ты мне новый микроскоп обещал, месе карабудино, – тут же напомнил медикус.

– Не обещал, – хладнокровно отозвался ИХ.

– Обещал.

– Если бы я за каждую свою болячку кому-нибудь чего-нибудь обещал, мессер давно разорился бы.

– Это если бы ты исполнял обещания.

– Вот и смирись.

– Гвини патэго! Так я тебе и скажу в следующий раз.

– Тогда тебе микроскоп точно никто не купит.

Маленький Бабарский служил на «Амуше» большим суперкарго и цепко держал в пухлых ручках все финансы цеппеля. ИХ обожал делать прибыль и любоваться на нее, с наличными же расставался неохотно, но если Помпилио приказывал купить оборудование, приобретал только самое лучшее.

– А это еще что за цепари? – вяло осведомился Галилей, тыча трубкой в сторону входа.

У дверей «Дуба» осматривались шестеро мужиков в военной форме.

– Вояки с «Дер Каттера», – определил Бедокур.

– С какого еще «Каттера»?

– Пока ты в отключке валялся, в Даген Тур доминатор прибыл, – сообщил Бабарский. – У вокзала трепыхается.

– Я не валялся, а дремал перед сэнским раствором, внятно? – объяснил астролог, продолжая таращиться на военных. – Надо было сил набраться.

Из всех офицеров Галилей Квадрига выглядел наиболее молодо и одновременно – болезненно. Точнее – расслабленно, поскольку астролог «Амуша», как, впрочем, почти все его коллеги, отходил от Пустоты с помощью проверенных, но запрещенных препаратов разной степени тяжести. Роста он был невысокого, а телосложения хлипкого, идеально гармонирующего с вялыми движениями. Одевался Галилей просто: тельник с длинными рукавами, штаны с накладными карманами, в холодную погоду – цапа, но обожал яркие детали. Сейчас, к примеру, левое запястье астролога перехватывал шелковый платок кричаще-желтого цвета.

– А что вояки делают в нашей харчевне, ипать-копошить?

– Поужинать притащились.

– А-а…

Окружающая действительность занимала астролога не всегда, а потому проявленный интерес вызвал понятное удивление друзей.

– Тебе-то что? – осведомился Бабарский.

– Мне? Мне срочно надо поесть. – И Галилей схватил за руку направляющуюся к цепарям с «Дер Каттера» официантку. – Красавица, мы скоро улетаем.

– Неужели?

Квадрига почесал короткую русую бородку и мило полюбопытствовал:

– Вы будете по нам скучать?

– Ну… – Девушка неодобрительно покосилась на трубку астролога, что распространяла сладковатый запах чего-то незаконного, но ответила вежливо, хоть и неопределенно: – Не знаю.

– Массаж и упражнения эффекта не дают, – пробубнил себе под нос Хасина. – Нужно нечто иное, но что?

Замечание Бедокура заставило медикуса погрузиться в размышления.

– А давайте устроим прощальный ужин? – с энтузиазмом предложил Галилей. – Что вы посоветуете для нашей компании, красавица?

Палубные и механики «Амуша», что скромно выпивали неподалеку от офицеров, поддержали щедрое предложение астролога довольными возгласами. А вот умный Бабарский помрачнел.

– Денег жалко? – ехидно осведомился Мерса.

– Галилей, за что ты взъелся на харчевню? – поинтересовался ИХ, не обратив внимания на каверзный вопрос алхимика.

– Мы хотим сделать заказ! – громко сообщили военные. – Милая, подойди к нам!

– Может, поросенок? – быстро предложила официантка.

– С пятачком? – игриво уточнил Квадрига, не отпуская девушку.

– Кажется, после сэнского раствора Галилей не забыл побаловаться ухской пылью, – вздохнул Бабарский.

– Он пыль не употребляет.

– Откуда ты знаешь?

– Милая!

– С костями все в порядке, а вот состояние мышц оставляет желать лучшего. – Хасина сделал большой глоток пива и провел рукой по лысому черепу. – Думай, думай…

– Вы пока подумайте…

– А с чем вы подаете поросенка?

– Что э-э… происходит?

Смысл отрывистых фраз, мрачных взглядов, подмигиваний и улыбочек полностью ускользал от алхимика, но с объяснениями никто не спешил.

– Милая, ну что ты прилипла к штафиркам? – не выдержали военные.

– Иди к нам!

– К настоящим мужчинам!

– Ипать-копошить, кто пустил в приличное заведение животных? – Астролог печально покачал головой. – Расскажите мне о поросенке, красавица, как он выглядел, когда был жив? Упитанным?

Квадрига широко улыбнулся, а вот официантка, сообразившая наконец, куда клонит Галилей, насупилась.

– Не хами военным, заморыш!

– Не ипите мне мозг, девочки, он и так перезрелый.

– Как ты нас назвал?

Бедокур укоризненно посмотрел на астролога, вздохнул и хрустнул пальцами, неспешно разминая руки. Самый высокий из военных последовал примеру Чиры и тем привлек внимание офицеров. Здоровенный цепарь был одет в стандартную черную форму, по-уставному подчеркивающую мускулистую фигуру, а его лицо испещряли мелкие шрамы, свидетельствующие то ли об аварии кузеля, то ли о многочисленных драках.

– Я плохо разбираюсь в знаках различия, – лениво протянул Бедокур. – Кто это?

– Шифбетрибсмейстер доминатора, – доложил подскочивший механик.

– Глыба Штокман, – растягивая слова, представился здоровяк.

– Чира Бедокур.

– Слышал.

– Тогда знаешь, что должен отступить.

– Почему?

– Мы заказываем ужин.

– Добавляете шафран? Великолепно! А сколько времени готовится поросенок?

Ненавидящий взгляд официантки развеселившийся астролог полностью игнорировал.

– Ты вроде местный? – уточнил Глыба.

– Я чту традиции, – мгновенно отозвался Бедокур. И обвел взглядом сидящих вокруг дагентурцев: – Это наше дело! Только наше. Никто не вмешивается, чтобы не испортить себе карму.

– Если согласно традиции, мы подписываемся.

– Традиционные методы не работают, – вздохнул Хасина, продолжая массировать голову.

– Сорок минут? Надо подумать.

– Чира, остановись.

ИХ взял Бедокура за плечо, но тот одним движением сбросил руку суперкарго.

– Конечно! – Заметивший жест Альваро хлопнул себя по лбу. – Усилие! Если обычные упражнения не помогают, следует увеличить нагрузку! – Медикус гордо оглядел окружающих, сообразил, что его гениальное открытие никто не услышал, и осведомился: – Что происходит?

Поднявшиеся из-за столов цепари выстроились в ряд: шестеро против шестерых. И во главе каждой линии возвышались массивные фигуры шифов. Выглядела сцена настолько внушительно, что стихли даже споры о фотографиях.

– Галилей обкурился и затеял «вышибалу», – доложил Бабарский. – А Чира повелся.

– Вы, человеки, как дети малые, – вздохнул Хасина. – Даже на минуту нельзя отвлечься.

– А что, красавица, посоветуешь к поросенку? Овощи или кашу?

– Что еще э-э… за «вышибала»? – насторожился Энди. Ему не понравился тон, которым перебросились фразами ИХ и медикус.

– Старинная цепарская забава, месе карабудино, – поведал Альваро. – Экипаж одного цеппеля вышибает из кабака соперников.

– Весьма энергичное мероприятие, – пискнул суперкарго.

Мерса скривился так, словно откусил колючий хвост хансейской ящерицы-вонючки.

– А почему э-э… Чира в игре? Пусть палубные дерутся, раз им э-э… хочется.

– Исторически сложилось так, что именно шифы являются для нижних чинов главными авторитетами. Бабарский… – Медикус покрутил головой. – А где ИХ?

– Не знаю, – развел руками Мерса. – Только что э-э… был здесь.

– Значит, драки не избежать, – закончил Альваро. – У Бабарского отменный нюх.

– Зря вы сюда зашли.

– Штафирок потрепать.

– И три бутылки бедовки.

– Я могу э-э… не участвовать?

– Разумеется, Мерса, разумеется, «вышибала» – игра добровольная, – рассеянно ответил Хасина, поднимаясь на ноги. – Продолжай не участвовать без меня.

– «Амуш»! – заорал Квадрига.

Альваро выругался, официантка метнулась прочь, а ждавшие сигнала цепари стремительно сошлись.

Дальнейшее алхимик помнил неотчетливо.

Хасина переворачивает стол, перекрывая нападающим путь, и бросается к спасительной двери в подсобку. Женский визг. Завсегдатаи делают ставки. Галилей заскакивает на лавку, подпрыгивает, вцепляется в кованую люстру и, демонстрируя чудеса ловкости, начинает подтягиваться по ней куда повыше. Из кармана астролога сыплются навигационные препараты, а вокруг вихрится вихельное облако. Кто-то громко смеется. Ревущий Бедокур бросает неизвестное тело в ближайшую стену. Оно врезается в драпающего Хасину. Инопланетная ругань. Хасина пытается избавиться от тела, но оно отбивается кулаками. Устроившийся на люстре Галилей пытается раскурить трубку. Глыба промахивается, и его тяжеленный кулак находит дружественную голову. Завсегдатаи одобрительно шумят. Хасина избавляется от дерущегося тела и пытается уйти под столом. Ему мешает обладатель дружественной головы, оказавшийся рядом после удара Глыбы. Инопланетная ругань. Бедокур и Глыба наконец-то встречаются. Мстительная официантка швыряет в Квадригу яйца, Галилей роняет трубку и орет. Вихельные угольки сыплются Глыбе за шиворот, Глыба орет, вихельное облако редеет, Галилей снова орет и начинает отламывать что-нибудь от люстры, чтобы швырнуть в официантку. Завсегдатаи громко считают удары, которыми обмениваются шифы. Палубные «Дер Каттера» пытаются сорвать раскачивающегося Квадригу, но им мешают палубные «Амуша». Мстительная официантка вскакивает на стол и долбит Галилея кочергой. Хасина отступает куда придется. Фоном продолжается ругань. В том числе инопланетная. Бедокур шатается, но держится, Глыба кряхтит, но тоже не падает. У мстительной официантки перекашивается платье, завсегдатаи рукоплещут. Прижимавшийся к стене Мерса решается на рывок, но получает увесистый удар в скулу и валится на пол.

«Ну почему все самое интересное выпадает на твою – долю?»

Из дневника Оливера А. Мерсы, alh. d.

* * *

Адигены любят повторять, что власть их священна, ибо досталась от самого Бога. Что перешла она к ним от Первых Царей, выбранных посланцами Господа, – Добрыми Праведниками. Что Первые Цари, исполняя волю Его, отдали власть адигенам, назвав самых достойных дарами. И именно от Первых Царей, авторитет которых непререкаем для любого олгемена, ведут родословные самые знатные семьи.

И право адигенов на власть веками считалось непререкаемым.

До тех пор пока принявшие чиритизм галаниты не перебили их, положив начало новой эре человечества, наступающей на адигенское прошлое под знаменем равенства. Власть теперь могла достаться кому угодно и на каких угодно основаниях: по праву сильного, по праву богатого, потому что понравился большинству населения или просто потому что повезло. Власть потеряла сакральность, в ней перестали видеть нечто священное. Она еще символизировала порядок, но одна из ее опор – безоговорочная вера – оказалась подрубленной, и вскоре в Герметиконе появились люди, отрицающие необходимость самой власти, которая всегда есть угнетение.

В Герметиконе появились анархисты.

«Скоро! Очень скоро! Ослепительная Этель Кажани!»

Афиши с улыбающейся звездой заполонили весь Унигарт: тумбы, заборы, стены домов, борта трамваев – отовсюду на кардонийцев призывно смотрела черноволосая красавица в роскошном вечернем платье. А еще антрепренеры наняли половину городских мальчишек, и на центральных улицах не утихал веселый гомон:

– Впервые на Кардонии! Золотой голос Герметикона! Не пропустите!

И прохожие с удивлением обнаруживали у себя в руках буклеты с расписанием концертов.

– Послушайте певицу, которой рукоплещут все цивилизованные миры! Послушайте Этель Кажани!

На первый взгляд могло показаться, что визит знаменитости затмил даже главное событие месяца – Кардонийскую выставку, потому что среди воплей «Великолепная Кажани!» лишь изредка слышалось: «Посетите знаменитую выставку! Билеты на лучшие трибуны! Не пропустите!» Но в действительности все жители и гости сферопорта ждали именно ее – горделивую демонстрацию кардонийских достижений.

Раз в год Унигарт сходил с ума. Не случайно сходил, под влиянием нахлынувших эмоций, а вполне обдуманно, крепко подготовившись, а потому – сильно. Большой и богатый город, в котором и так-то жизнь била ключом, а в глазах рябило от инопланетников, заходился в безумной лихорадке, разгоняя привычно быстрый ритм до бешеной скорости шестиствольного «Гаттаса». И еще – распухал на глазах, прибавляя не менее трети населения. Отели и доходные дома заполоняли официальные делегации военных и любители светских мероприятий, инженеры и промышленники, коммерсанты и шпионы со всех окрестных миров и даже из Ожерелья. Деньги у них водились, и именно за ними устремлялись в Унигарт торговцы, бродячие музыканты, нищие, воры и проститутки со всей Кардонии. Рестораторы взвинчивали цены и завозили стратегический запас спиртного, владельцы игорных домов, как подпольных, так и законопослушных, нанимали дополнительный персонал, а наркоторговцы расширяли ассортимент. Полицейских прибавлялось втрое, но одолеть разгул порока они не могли, едва справляясь с поддержанием порядка на массовых гуляньях и стихийных уличных танцах – выставка давно стала для Унигарта вторым карнавалом. И хотя в этом году настроение портили

известия с Валеманских островов, кардонийцы не сомневались, что политики сумеют договориться: между Приотой и Ушером случались размолвки, но тучи всегда рассеивались.

– Самые модные платья! Удивите гостей из Ожерелья!

– Бинокли! Лучшие бинокли Герметикона! Вы увидите маневры во всей красе!

Пассеры приходили в Унигарт в три раза чаще обычного, пограничники и таможенники работали на износ, документы и багаж проверяли без традиционной тщательности, но это ничего не значило – паспорт обошелся Лайераку в тридцать цехинов и мог пройти любую проверку. «Герберт Беккет, с Анданы, негоциант. Цель визита? Выставка, разумеется! Я представляю частную фирму, занимающуюся импортом оружейных систем». Подобных посредников на Кардонию слеталось множество, и легенда Лайерака не вызвала никаких подозрений. «Добро пожаловать». «Спасибо».

Вещей Отто возил с собой мало, всего один саквояж, а потому сразу направился в расположенный неподалеку от порта трактир «Сломанный кузель», где его ожидал человек, купивший Лайераку и его людям билеты на Кардонию.

– Как вам город?

– Шумный.

– Потому что грядет выставка, – жизнерадостно объяснил мужчина. – Пива? Поверьте на слово: здесь оно великолепно.

– Пожалуй.

– Официант! Два пива! – Мужчина вновь повернулся к Отто и негромко добавил: – А еще в Унигарте пройдут непростые переговоры.

Однако удивить собеседника не смог.

– Получив предложение слетать на Кардонию, я почитал газеты и в общих чертах представляю происходящее. – Голос у Лайерака был глуховат, казалось, слова сначала проходят через искусственный глушитель, спрятанный во рту, и лишь потом оказываются на свободе.

– Ценю вашу предусмотрительность.

– Я профессионал.

– Поэтому мы к вам и обратились.

Собеседник Лайерака был… никаким. Именно это определение как нельзя лучше подходило щуплому мужчине, безвольный подбородок которого украшала редкая бороденка. Невзрачный, незапоминающийся некто в темном костюме – портрет завершен. И на его фоне Отто, сам того не желая, оказался весьма приметен, хотя, если честно, какие-то особенно героические черты в его внешности отсутствовали.

На вид – лет тридцать пять, чуть выше среднего роста, в меру плечистый, подтянутый Лайерак казался отставным офицером, но был ли в его бурной биографии период армейской службы, достоверно никто не знал. Лицо Отто было грубым, словно бесталанный скульптор второпях обтесал первый попавшийся булыжник и кое-как расставил по местам карикатурно крупные детали: лоб, нос, уши и губы. Под стать лицу – мимика, точнее, полное ее отсутствие. Казалось, что лицевые мышцы отказываются работать, и на все случаи жизни у Лайерака было припасено одно-единственное выражение – холодная невозмутимость, что сделало бы его великолепным игроком… люби он карты. Но Отто терпеть не мог азартные игры, а на жизнь зарабатывал иным способом, и зарабатывал неплохо, о чем свидетельствовали модный дорожный костюм тонкой шерсти, дорогой анданский галстук, перстень с крупным камнем на мизинце и элегантный саквояж прекрасно выделанной кожи. Нет, удачливым негоциантом Лайерак не был.

– Что нужно делать? – негромко поинтересовался он и хлебнул пива. Действительно неплохого.

Место встречи щуплый выбрал отличное: в переполненном трактире стоял дикий шум, гремели здравицы, то и дело слышались взрывы хохота, и никто не обращал внимания на двух мужчин, обсуждающих щекотливое – дело.

– Для того чтобы упомянутые переговоры прошли в нужном ключе, требуется создать определенную атмосферу. И тут ваш опыт бесценен.

– Почему именно мой опыт?

– Потому что нам нужен именно Огнедел, – объяснил щуплый, назвав Отто его псевдонимом. Собственно, ничего другого о Лайераке собеседник не знал, даже ненастоящего имени, под которым Отто прибыл на Кардонию.

– Вам нужен Огнедел для конкретной задачи или просто – Огнедел? – уточнил Лайерак.

– Мы укажем цели, но исполнение останется за вами. Вы ведь художник, а мы принципиально не мешаем творческим людям.

– Приятно слышать.

– Мы тоже хорошо подготовились. – Щуплый положил на стол маленький листок бумаги. – Если вы согласны с предложением, то вот адрес дома, который мы сняли для вас на первое время. Там вы найдете список целей, пятьсот цехинов на начальные расходы и кое-какое оборудование, которое вам понравится. Вы нам нужны, Огнедел, а ставки слишком высоки, чтобы размениваться на дилетантов.

– Что еще? – жестко поинтересовался Лайерак, отставляя пиво. – И не надо мне льстить, это на меня не действует.

– Без лести не получится, – осклабился щуплый. – Мы предлагаем контракт, потому что вы ничего не боитесь и всегда доводите дело до конца. Ваша репутация играет за вас.

– Репутация ничего не играет, она просто есть.

– Можно сказать и так, – согласился щуплый. Помолчал и продолжил: – Больше мы не встречаемся. Вот ключ от ячейки на главном почтамте Унигарта, будем использовать ее для связи. Каждый день обязательно просматривайте раздел объявлений в «Кардонийской звезде», ищите те, что будут подписаны мадам Валедакеда, в них будут указаны даты проведения акций.

– А ведь я еще не согласился, – задумчиво протянул Отто, откидываясь на спинку стула.

Ключ и записка остались на столе.

– Я человек маленький, но не глупый, – вновь осклабился щуплый. – Вы прекрасно держите лицо, Огнедел, но глаза… – Он покачал головой. – У меня огромный опыт чтения по глазам, я вижу, что вы согласились.

Лайерак медленно кивнул:

– Гонорар?

– Если не ошибаюсь, мы говорили о растарском жемчуге?

– Цены на него стабильны, а места он занимает мало, и то и другое меня полностью устраивает.

– Три первые жемчужины ждут вас в доме. – Щуплый допил свое пиво, бросил на стол пару серебряных монет, но подниматься не стал, выдал последнее пожелание: – Пусть все ваши люди отпустят бороды.

– Мы не собираемся светиться.

– Вы не хуже меня знаете, что всего не предусмотришь. И я хочу, чтобы в описании очевидцев обязательно прозвучало: бородатые мужики.

– Я вас услышал.

Глава 3
в которой Дагомаро много говорит, Кира получает хорошее известие, Помпилио возвращается в семью, офицеры «Амуша» готовятся, а Лайерак выходит на работу

Страх, подозрительность, недоверие, настороженность…

Людей не переделаешь, и эти чувства они будут испытывать всегда. Тем более – на новой, неизведанной планете, тем более – оказавшись на этой планете не по собственной воле, почти без оружия и припасов, и только-только пройдя через ужасы Белого Мора.

Первые кардонийцы встретили новую родину без улыбок. Обрадовались, конечно, что оказались в свободном от страшной заразы мире, но облегчение быстро сменилось пониманием трудностей, ожидавших их впереди. И потому, едва оглядевшись, первые кардонийцы, точнее ушерцы, принялись строить крепость Тах – некрасивое, но надежное убежище, в котором переселенцы чувствовали себя в относительной безопасности. И лишь после того как эта работа была закончена, люди занялись нормальным освоением планеты.

И позволили себе улыбнуться.

Потому что люди долго отходят от пережитого ужаса.

С тех далеких пор минуло не одно столетие. Кардония расцвела, превратилась в большой и богатый мир, пусть и не единый, но с прочной конфедеративной основой, никогда не испытывала «прелестей» войны, но надежная, хоть и некрасивая крепость по-прежнему возвышалась в центре города, которому она дала имя, в самом центре столицы архипелага. И именно за ее древними стенами собирался сенат Ушера. Не во дворе, конечно же, собирался, а в большом зале крепкого прямоугольного дома, что стоял в северной части крепости и вот уже сто пятьдесят лет так и назывался – Сенат. Высокие окна зала выходили на зубчатую стену, которую давным-давно облюбовали чайки, разбавляя серый камень белым, а тишину – шумным базаром. При этом птицы активно гадили, но стражники все равно их не гоняли – к чайкам на архипелаге относились с добродушием.

Но его категорически не хватало в зале.

– Война? Винчер, ты сошел с ума!

– Фил, мы старые друзья, и ты можешь называть меня как угодно. – Консул Дагомаро широко улыбнулся и добавил: – Но аргументируй, дружище, аргументируй.

– Доказать, что ты псих?

– Сделай одолжение.

Несмотря на летнюю жару, Винчер явился на заседание в традиционном, наглухо застегнутом пиджаке с воротником-стойкой, строгих брюках и блестящих туфлях, тогда как остальные сенаторы предпочли легкие сорочки с короткими рукавами, тончайшие брюки и обошлись без галстуков. Но Дагомаро неудобств не испытывал, создавалось впечатление, что он запретил своему телу реагировать на зной, и за все время заседания на его лбу не появилось даже намека на пот.

– Хорошо, докажу. – Сенатор Фраскетти медленно оглядел присутствующих. – Мы знаем, что за Приотой стоит Компания. А воевать с Компанией – самоубийство. Объяснения закончены, я прав!

– Почему самоубийство?

– Догадайся сам.

Сенаторы поддержали заявление Фраскетти одобрительным гулом, но консул твердо стоял на своем:

– Мы на своей земле, Фил, на своей планете.

– Которая поделена пополам, – напомнил сенатор Дзинга.

– Не важно. – Дагомаро перевел взгляд на Даркадо. – Адмирал! Выскажите, пожалуйста, сенату мнение военного человека.

Начальник Генерального штаба кивнул, но подниматься не стал. Этого не требовалось, поскольку все двенадцать присутствующих: десять сенаторов, консул и он, знали друг друга с детства.

– В истории Герметикона нет примеров удачных вторжений в развитые миры, – проскрипел адмирал. – Если население планеты превышает пятьдесят миллионов человек, интервенция гарантированно заканчивается провалом, поскольку в существующих условиях невозможно организовать достаточное снабжение войск.

– Вы уверены?

– Последняя попытка захвата развитой планеты случилась тридцать лет назад, с тех пор никто не выражал желания повторить опыт – слишком велики потери.

Цеппели – это не легендарные Вечные Дыры, которые часами можно было держать открытыми, а значит, успеть перевезти большое количество войск и припасов. Цеппели ограничены в размерах, и никому, даже мирам Ожерелья, еще не удавалось создать армаду, способную единовременно перебросить в мир-жертву серьезную ударную группировку. И только благодаря этому Герметикон успешно избегал разорительных межпланетных войн.

– Адмирал, мы все прекрасно знаем, что прямое вторжение невозможно, – подал голос сенатор Онигеро. – Но Кардония разделена, и у Компании будет огромный плацдарм – вся Приота.

– Галаниты науськивают на нас землероек, – согласился с коллегой сенатор Дзинга. – Воевать будет Приота, а не Компания, и это обстоятельство в корне меняет ситуацию.

– Мы их в порошок сотрем, – пообещал консул. – Компания не сможет доставить на Приоту столько техники, сколько есть у нас. И уж тем более столько, сколько мы в состоянии произвести. Ушер силен.

– Нас в три раза меньше, чем землероек, – напомнил Фраскетти.

– Но мы лучше оснащены.

Ни Ушеру, ни Приоте большие армии не требовались. Между собой половинки Кардонии давным-давно договорились, амбициозными планами по захвату соседних миров не страдали, а потому перед военными стояли всего две задачи: защита от гипотетического вторжения и борьба с загорскими пиратами. Небогатую Приоту такое положение дел вполне устраивало, во всяком случае до сих пор, а вот ушерские промышленники быстро поняли, что военные расходы – не груз, а вложение, и щедро финансировали профессиональную армию, оснащению которой могли позавидовать лучшие вооруженные силы Герметикона. Помимо основных обязанностей ушерские военные снаряжали экспедиции, составляя подробную карту неосвоенных земель планеты, испытывали создаваемое на архипелаге оружие и служили инструкторами в мирах, куда это самое оружие поставлялось. Часто – в очень «горячих» мирах, где получали бесценный опыт ведения серьезных войн. Ушерская армия на голову превосходила вооруженные силы Приоты, и это обстоятельство придавало консулу уверенности.

– Мы знаем, что полгода назад Компания открыла Приоте колоссальный кредит, а поскольку паротягов и паровозов на материке не прибавилось, можно сделать вывод, что землеройки покупают оружие. – Дагомаро выдал сообщение резким и жестким голосом. – Покупают уже полгода, и никто не знает, в каких количествах.

– Ты сам себе противоречишь, Винчер, – развел руками Фраскетти. – Если землеройки окрепли, нам и подавно не стоит трепыхаться.

– Время еще есть.

– Сколько?

– Достаточно, чтобы обернуть ситуацию в свою – пользу.

– Каким образом? – поинтересовался Онигеро.

И услышал холодный ответ:

– Единственным.

– То есть?

– Да, Винчер, конкретизируй.

– У тебя есть план?

Нешуточная проблема – а дело пахло то ли войной, то ли распадом Конфедерации – выбила сенаторов из колеи. И вот уже две недели они никак не могли решить, что делать. Бесконечные совещания, согласования, прения и обсуждения – разговоры, разговоры, разговоры… Сенаторы растерялись, но сегодня консул собирался склонить их к принятию окончательного решения.

– Спокойно, спокойно, у меня есть план! – Дагомаро выставил перед собой руки. – И только он поможет нам избежать поражения.

– Война еще не началась, – уточнил Фраскетти.

– Война идет давно, Фил, с тех самых пор, как Компания решила наложить лапу на наш мир. А точнее – на Ушер, поскольку на Приоте ничего интересного нет. – Консул выдержал паузу, позволяя сенаторам согласиться с высказыванием, и продолжил: – Им не удалось нас купить, им не удалось посадить нас на кредиты, и потому они решили нас завоевать. Или же создать угрозу завоевания.

– Весьма реальную угрозу.

– Мы должны понимать, что попытка развязать войну – последний козырь Компании, – повысил голос Дагомаро. – Если мы отобьемся, нас оставят в покое.

– С чего такая уверенность? – осведомился Дзинга.

– Это логично, – поддержал консула Онигеро. – Винчер прав: все остальное Компания уже пробовала, а больше ничего не придумано.

– Спасибо, Питер.

– Так что ты предлагаешь? – поинтересовался Фраскетти.

– Будем лавировать между Компанией и адигенами, – твердо ответил консул. – Стоять на своем, обещать, врать и слегка поддаваться. Полагаю, мы сумеем выйти из ситуации с минимальными потерями.

– Ляжем под адигенов?

– Попытаемся столкнуть их с Компанией, – улыбнулся Дагомаро. – Мы станем призом, за который они начнут драку. Призом, который не достанется никому.

– Как это? – не понял Фраскетти.

– Они упрутся, но в какой-то момент поймут, что проще отступить, – сообразил Онигеро.

– А мы останемся при своих, – закончил консул.

В зале повисла тишина. Примерно полминуты сенаторы взвешивали услышанное, после чего Фраскетти кивнул:

– В целом мне нравится.

– А что с Приотой? – кисло спросил Дзинга. – Будем воевать с землеройками?

– Приотская армия – сброд, – уверенно произнес адмирал Даркадо. – Им нечего нам противопоставить, кроме численности. У нас полное превосходство в технике и боевом опыте. Воздух – наш, море – наше, если же мы соберемся оккупировать континент…

– Пока не собираемся, – поспешно перебил военного консул. И вежливо ответил сенатору: – С Приотой постараемся договориться.

– А если не получится?

Пылкая речь адмирала Дзингу не впечатлила, и Дагомаро пришлось поддержать старого вояку:

– Если мы готовы сдаться после первой серьезной угрозы. Подчеркиваю: не после удара или тычка, а только после угрозы, то нам не следовало ссориться с Компанией. Нужно было допустить в Ушер их банки и позволить скупить акции наших предприятий. Мы получили бы деньги и ушли со сцены. Тихо и мирно.

– Ты выгнал отсюда банки Компании, – напомнил Дзинга.

– Потому что наши предки создали Ушер! – прогрохотал консул. – Наши отцы и наши деды! Их труд, ум, деньги, их упорство создали Ушер, а значит – Кардонию! Это наша планета! И я ее не отдам!

Яростные возгласы, яростно вспыхнувшие глаза – Винчер изменился в мгновение. Только что перед сенаторами сидел настаивающий на своем консул, а через секунду – лучший оратор Кардонии, прирожденный боец, патриот. И эта вспышка показала, что не зря, ох не зря именно на груди Винчера Дагомаро сверкал крылатый жлун – золотой значок консула.

– Но…

– Пойми, наконец, что нет никакого «но»! Нет! – Дагомаро вскочил на ноги. – Или Кардония принадлежит нам, или Компании. Или мы хозяева, или никто! Вы хотите оставить предприятия детям? Вы хотите, чтобы они владели Кардонией? Фил?

– Ты знаешь, что да, – пробурчал сенатор Фраскетти.

– Питер?

– Мог бы не спрашивать.

– Дзинга? Роджер?

Против никто не выступил. Сенаторы поджимали губы, неохотно качали головами, вздыхали, но было видно, что пламенная речь консула задела их за живое. Они привыкли чувствовать себя хозяевами и не собирались уходить со сцены.

– А раз мы этого хотим, – громко произнес Дагомаро, возвращаясь в кресло, – то придется перегрызть пару глоток. – И улыбнулся: – Впрочем, мы это умеем.

– Ты говорил об угрозе, но захват Валеманской группы – это уже не угроза, а тычок, – медленно произнес Фраскетти. – Болезненный тычок.

– Землеройки проверяют нас на прочность, – сипло произнес Онигеро и откашлялся. – Если поддадимся – на переговорах они не отступят ни на шаг.

– Согласен, – кивнул Дагомаро. – Мы обязаны вернуть Валеманскую группу до начала переговоров.

– Которые в этом случае могут не начаться, – бросил Дзинга.

– Аргументирую: мы не можем садиться за стол слабаками, нужны козыри.

– Звучит логично.

– И еще нам следует укрепить армию, – продолжил консул. – Землеройки покупают у галанитов оружие? Отлично! Продемонстрируем силу. Адмирал?

– Генеральный штаб предлагает сформировать две дополнительные бригады и одну эскадру в западном секторе архипелага. Кроме того, необходимо срочно доукомплектовать существующие подразделения техникой.

– Теперь я понял смысл сегодняшнего совещания, – язвительно заметил Дзинга. – Две новые бригады и техника!

– И что?

– То, Винчер, что ты – главный производитель – оружия.

– Но не единственный.

– Но ведь армии потребуется самое лучшее, а твой холдинг опередил всех.

– Кажется, я не забываю делиться открытиями Гатова, – с трудом сдерживая злость, ответил консул. – И вы все неплохо зарабатываете на инвестиции, которую я сделал много лет назад.

– Мы говорим об оружии, – напомнил Дзинга. – На войне ты разбогатеешь.

– Потребуется много металла с твоих шахт, энергии с твоих электростанций и грузовых судов с твоих верфей. Война – это не только патроны и пулеметы, дружище. Война жрет все.

– И тут мы подходим к действительно важной теме, – громко произнес Фраскетти. – Винчер, ты забываешь об одной мелочи: казна Ушера большая, но не бездонная.

– И я хочу, чтобы именно мы, ушерцы, продолжали ею распоряжаться. Если для этого нужно драться, мы должны драться. Но не голыми руками.

– Хватит лозунгов, – поморщился Фраскетти. – Мы уже решили, что будем драться.

– О чем, в таком случае, мы говорим?

– О казне, которая не бездонная, – твердо произнес сенатор. – Ты готов поставлять технику в кредит?

– А ты?

– Я?

– Нам потребуется еще одна эскадра, – улыбнулся Дагомаро. – С твоих верфей, Фил, с твоих. И я задаю тебе тот же вопрос: будешь вооружать страну в кредит? То есть за собственный счет? Будешь вкладывать свои средства в наше общее будущее? Я – буду. Не один, разумеется, а только в том случае, если каждый из вас согласится на эти условия. Если мы сожмемся в кулак, о который Компания разобьет физиономию. Мы готовы к этому? Мы все еще жлуны в этом Банире?

– Мы – жлуны, – подал голос Фраскетти. – Лично я кредит предоставлю, потому что кардониец. Потому что ушерец. Потому что я здесь главный и мои дети станут главными после меня!

* * *

Семейным, или, если можно так выразиться, наследным, увлечением анданийских даров Лиронг было коллекционирование оловянных миниатюр, именуемых в простонародье «солдатиками». Но не тех примитивных фигурок, что продают на ярмарках по пятьдесят грошей за коробку, а маленьких, с любовью воссозданных и аккуратно раскрашенных скульптур, в точности копирующих обмундирование и вооружение реальных воинов. Рыцари, ландскнехты, первые артиллеристы, первые мушкетеры – по коллекции Лиронгов можно было изучать историю военного дела Герметикона от Эпохи Ожерелья до наших дней. Именно Герметикона, поскольку увлеченные дары не ограничивались родной Анданой. В коллекции были представлены лингийские егеря и офицеры Астрологического флота, верзийские гренадеры и каатианские стрелки, летчики и моряки, механики из броневойск и кавалеристы. Тысячи фигурок и тысячи мундиров: пышных, с аксельбантами, золотыми погонами и широкими поясами и простых, рациональных, которые стали шить в последнее время; офицерских и солдатских, парадных и повседневных. Коллекция даров Лиронг охватывала все армии и рода войск, каждая миниатюра была уникальной, однако объединяло их то, что все они изображали мужчин.

Потому что война – не женское занятие.

Эта аксиома не подвергалась в Герметиконе сомнению. Точнее – почти не подвергалась, и на богатой, но считающейся провинциальной Кардонии вот уже двадцать лет женщин принимали на военную службу, с тех самых пор как свободолюбивая дочь консула Даркадо делом доказала, что является лучшим летчиком Ушера. Солдатскую лямку кардонийки не тянули, служили астрологами, радистами – на должностях, где требовались усидчивость и внимание, и, по заложенной Рози Даркадо традиции, – пилотами. И носили особую форму, отсутствующую в коллекции анданийских даров, форму, разработанную специально для них. Форму, которая великолепно сидела на Кире Дагомаро. И не только потому, что сшил ее лучший портной Тахасы, не только.

В свои двадцать три Кира обладала превосходной фигурой – не юношеской, еще слегка угловатой, а женственной, демонстрирующей, что прекрасная роза находится в самом расцвете. Стройная, подтянутая, с небольшой грудью и округлыми бедрами, она привлекала мужские взгляды, а строгость синего кителя и черной юбки лишь добавляла девушке шарма.

Однако бригадир Хоплер повидал на своем веку много женщин, в том числе пилотов, и не отвлекался на подчеркнутые мундиром прелести.

– Майор Дагомаро!

– Да, мой бригадир, – по-уставному отозвалась стоящая навытяжку Кира.

– Вам понятна причина наложенного взыскания?

– Так точно, мой бригадир.

По мнению девушки, на этой фразе встречу можно было заканчивать: разнос проведен, взыскание наложено, обещание отдать под военно-полевой суд прозвучало, чего еще? Но Хоплер считал иначе.

– Ваше самоуправство могло привести к международному конфликту, коммандер Дагомаро, – строго продолжил бригадир, холодно глядя на Киру. – Вы понимаете, что из-за ваших действий наши страны оказались на пороге войны?

– Да, мой бригадир.

Справа от Хоплера сидел полковник Вестербильд – прилетевший из Тахасы военный атташе Приоты, – и именно поэтому бригадир не мог остановиться слишком рано. Политика, чтоб ее, проклятая политика. Кира старалась не обращать внимания на землеройку – поздоровалась едва заметным кивком, после обращалась исключительно к командиру, но постоянно ощущала на себе заинтересованный взгляд полковника. Понравилась красивая девушка? Возможно. Лицо Киры было столь же привлекательным, как фигура: густые рыжие волосы, стянутые сейчас в тугой узел, карие, с золотыми искорками глаза, не очень большие, но живые, маленький, чуть вздернутый носик и большой рот, который мог испортить кого угодно, но только не Киру. Девушка была красива, но понимала, что интерес Вестербильда вызывает не столько ее внешность, сколько фамилия. Землеройка с нетерпением предвкушал, как будет измываться над дочерью консула. Слегка печалился отсутствием публики – на разнос Хоплер не позвал даже высших офицеров базы, – но был полон решимости высказать «вздорной девчонке» все, что о ней думает.

– Вы – грамотный и умный офицер, и я удивлен проявленной вами несдержанностью, – закончил Хоплер. – Свободны.

– Одну минуту, бригадир, – улыбнулся атташе. – Вы позволите?

Ушерцы – и Хоплер и Кира, – посмотрели на полковника, как на… землеройку. Но инструкции Генерального штаба гласили: «проявлять вежливость, оказывать содействие». И бригадиру пришлось кивнуть:

– Пожалуйста.

– Спасибо. – Вестербильд повернулся к Кире и вкрадчиво осведомился: – Коммандер Дагомаро, я обратил внимание на то, что вы смотрите на меня с какой-то необъяснимой агрессией. Я ошибаюсь?

Землеройка, судя по всему, решил зайти издалека.

– Да, – холодно отчеканила девушка, глядя на портрет консула Онигеро, признанного всеми кардонийцами «отцом Конфедерации». – Ошибаетесь.

– То есть вы не считаете приотцев врагами?

– Нет. – Какими-либо обращениями: «полковник», «атташе» и даже «синьор» девушка подчеркнуто пренебрегала. Если Вестербильду хотелось уважения, ему следовало поискать его в другом месте. – Не считаю.

– Но вы открыли огонь.

– Никто не пострадал.

– Но вы открыли огонь, – повторил Вестербильд. – Мне интересно, что вы чувствовали, приказывая стрелять в кардонийцев?

– Мне было неприятно, – без раздумий ответила – Кира.

– Хоть что-то, – оживился атташе. – Но мало.

– Вполне достаточно, – невозмутимо продолжила девушка. – Мне было неприятно видеть оккупантов на землях Ушера так же сильно, как разговаривать сейчас с вами.

Вестербильд покраснел.

– Бригадир?

Но на поддержку дипломат мог рассчитывать в той же степени, что и на уважение.

– Флаг Приоты оказался в грязи задолго до того, как его швырнула туда коммандер Дагомаро, – задумчиво произнес Хоплер, вертя в руке карандаш. – Вы, полковник, забыли, что на глазах моего офицера погибли люди.

– Насколько я знаю, геологи выразили желание вернуться на архипелаг и командир нашей экспедиции с уважением отнесся к их решению.

Дипломатические выверты хороши на переговорах, с военными так шутить не следует.

– Не желаете повторить опыт? – осведомился бригадир. – Я могу выделить вам катер на обратную дорогу. Боюсь только, что не смогу снарядить команду.

Кира удивленно посмотрела на Хоплера: на ее памяти старый и крикливый бригадир никогда не отходил от полученных инструкций и не мог, физически не мог сказать то, что сейчас прозвучало.

– Вы мне угрожаете? – растерялся атташе.

– Конечно нет, – усмехнулся бригадир. – Угрожал я своему офицеру, обещая отдать под суд. А вас я просто спрашиваю. По-дружески. С уважением. Как кардониец кардонийца.

Вестербильд вновь покраснел.

«Вонючая землеройка!»

Из штаба Кира вышла в приподнятом настроении: шумный разнос, наложенное взыскание, обещание суда, ядовитые вопросы атташе – все услышанные гадости были перечеркнуты последними высказываниями Хоплера, жесткими заявлениями настоящего ушерского офицера, который плевать хотел на дипломатию, когда дело касалось жизней сограждан. И пусть столичные бюрократы лебезят перед землеройками в попытке «найти приемлемый выход из кризиса» – пусть! Армия и простые ушерцы думают иначе, а значит, сенату придется прислушаться!

– Кира!

– Драмар!

Полковник Накордо ждал девушку во дворе: нервно курил, сидя на лавочке в тени платана, и вскочил, едва Кира появилась в дверях.

– Как все прошло?

– Взыскание и обещание суда. – Девушка поправила фуражку. – Все в порядке.

– От должности отстранили?

– За что?

– Согласен – не за что, – с облегчением рассмеялся Накордо. – Но со штабных станется.

– Не отстранили.

– Вот и славно.

Они вышли за ворота и медленно, прогулочным шагом направились по набережной в сторону порта: рыжая девушка и высокий черноволосый мужчина с орлиным носом и крупным волевым подбородком, украшенным тонкой, словно нарисованной бородкой. Темно-синие мундиры, золотые погоны и наградные планки: у девушки только за отличия в подготовке, у Драмара – еще и боевые.

– Штабные велели продемонстрировать неудовольствие, и Хоплер честно орал на меня двадцать минут. – Кира улыбнулась. – А потом взял и макнул землеройку в помои.

– Да ну?

– Я тоже не ожидала. Всегда считала Хоплера занудой.

– Я был с бригадиром на Менсале, и поверь: Хоплер не зануда, – негромко произнес Накордо. – Но Вестербильда он оскорбил напрасно.

– Что? – изумилась девушка.

Все пилоты… да что пилоты – вся база единодушно поддержала поступок Киры. Все сходились во мнении, что девушка действовала правильно, а наиболее горячие головы честно признавались, что не удержались бы от настоящей атаки, от крови. Драмар тоже одобрил уничтожение приотского флага, а потому его замечание поставило Киру в тупик.

– Почему напрасно?

– Утром Хоплер получил секретный пакет из Тахасы: принято решение выдавить землероек с Валеманских островов.

– Правда?!

– Тихо!

– Извини. – Кира вцепилась в рукав Драмара. – Когда?

– Вечером твой приятель Вестербильд возвращается в столицу, а завтра к нам прилетит адмирал Даркадо, чтобы лично проинструктировать офицеров. Командовать операцией будет Хоплер.

– Чудеса!

Слухи о том, что «решение принято и завтра в бой», ходили с самого инцидента, но всякий раз, к огромному разочарованию военных, оказывались ложью. Однако Накордо был замполетом – заместителем бригадира по летной части – и зря языком не трепал. Особенно – Кире.

– Так что готовь машину, коммандер, будет работенка.

– Наш первый бой, – улыбнулась девушка.

– Твой первый бой, – отозвался Драмар. – Не наш.

– Как это?

– Я… В этом самом пакете был приказ о моем переводе, – вздохнул Накордо. – Через три дня я перестану быть замполетом.

– Тебя переводят? – Кира похолодела. – Куда?

– Я остаюсь в бригаде, но на другой должности, – успокоил девушку Драмар.

– Тебя сняли с замполетов? Но почему?! Все знают, что ты – лучший пилот бригады! Ты – ас!

– Именно поэтому меня сняли и переводят…

– Куда? – не сдержалась Кира.

Сначала страх: «Драмара переводят!», затем облегчение, а теперь оно сменилось обидой за мужчину: «Как смели они снять его с должности?!» Замполет бригады – это серьезное карьерное продвижение, следующая ступенька – командир отдельного авиационного соединения, но в Северном Кадаре такого подразделения не было.

– Куда тебя переводят?

– Я не могу сказать.

– Драмар!

– Но… – Накордо улыбнулся. – Но ты могла случайно оказаться в нужном эллинге и сама все увидеть, ведь так?

– Так, – с готовностью кивнула девушка.

– Тогда поехали в нужный эллинг, – рассмеялся Драмар. – Я как раз туда собирался. – За разговором они подошли к пирсу, где Накордо ожидал паровой катер. – У тебя есть время?

– До завтра я совершенно свободна.

– В таком случае – прошу. – И Драмар картинно подал девушке руку, приглашая ступить на борт катера. – Через двадцать минут ты все увидишь.

Самая северная, самая удаленная от столицы база Северный Кадар была при этом одной из самых больших, уступая лишь столичной Новой Тахе. В зоне ответственности базы находились огромные территории, и бригада Хоплера считалась усиленной, а по существу – сдвоенной. Двенадцать авиационных крыльев вместо восьми, девять батальонов морского десанта, двадцать канонерок и восемь корветов. Кораблей большего размера на Кардонии не строили – не требовалось, а два гигантских вооруженных судна, что использовались в экспедициях, боевыми не считались. Одно из них, кстати, базировалось в Северном Кадаре. Поместить всю эту армаду в одной бухте, даже в такой большой, как Солнечная, не представлялось возможным, а потому военные забрали и две соседние: Сонную и Глубокую, и именно в последнюю, самую дальнюю, направился катер. Мимо знаменитой набережной – географического центра светской жизни Северного Кадара; скучающих на рейде кораблей – орудия зачехлены, вахтенные прячутся в тени; и береговых батарей, прикрывающих Солнечную с моря. На Кардонии не существовало силы, способной штурмовать ушерцев, однако все базы архипелага были надежно защищены.

– Иногда мне кажется, что мы сами провоцируем землероек на агрессию, – произнес Драмар, задумчиво разглядывая длинные стволы береговых орудий. – Они видят, насколько мы сильны, и начинают бояться.

– Так боятся, что нападают? – прищурилась Кира.

– Да, – серьезно подтвердил Накордо. – Страх – лучший повод для войны. Страх проиграть еще до ее – начала.

– Ушер всегда выступал за Конфедерацию.

– И каждый год мы демонстрируем Приоте свою мощь. – Знаменитая оружейная выставка только называлась кардонийской – устраивал ее Ушер, поскольку промышленность Приоты пребывала в зачаточном состоянии.

– Конфедерация – залог мира и процветания Кардонии, – убежденно заявила девушка.

Не заученно, а именно убежденно: Кира верила в то, что говорила.

– Меня агитировать не надо, – вздохнул Драмар. – Но участие в Конфедерации дело добровольное, и если один сосед обижен, добра не жди.

– Нас крепко обидели.

Накордо помолчал, давая понять, что имел в виду другого соседа, но кивнул:

– Согласен.

И отвернулся, подставив лицо под соленые брызги.

Несмотря на название, Глубокая бухта была самой мелкой из всех и предназначалась для вспомогательных судов, катеров и ремонта паровингов. По ее периметру стояли четыре эллинга, к одному из которых и подошел катер.

– Меня пустят?

Накордо загадочно улыбнулся.

К удивлению девушки, охрану эллинга несли не привычные вахтенные, а морские десантники в полной боевой выкладке: каски, пистолеты в кобурах и карабины. К тому же их было слишком много: на пирсе, у ворот, у дверей, на крыше – куда ни повернись, взгляд обязательно упирался в хмурых парней.

– Так меня пустят?

– Понятия не имею.

– Драмар!

– Я сделал тебе допуск, – сдался мужчина.

– Напомнил о моем происхождении? – нахмурилась Кира.

– Сказал Хоплеру, что не смогу тебе солгать, а о происхождении он вспомнил сам.

– Ну и ладно, – махнула рукой девушка. Козырять фамилией она не любила, но никогда не отказывалась принять то, что гарантировало происхождение. – Что внутри?

– Маленькое чудо.

На самом деле – огромное.

В закрытом эллинге прятался самый большой паровинг из всех, что Кире доводилось видеть, – гигантская машина, больше похожая на готовящегося взлететь простера. Невозможная и невообразимо прекрасная.

Пятидесятиметровое крыло, на котором покоились четыре тяговых двигателя. Всего четыре, но каждый в полтора раза больше стандартного «Ромса», а значит – мощнее. Массивный фюзеляж, внутри которого прятался классический кузель, – именно из-за него, а точнее, из-за Философского Кристалла паровинги превосходили размерами паровозы. Кабина пилотов остеклена, словно капитанский мостик цеппеля: снизу доверху. Выглядит необычно, но обзор из нее, как прикинула Кира, открывается великолепный. Пушек нет, но курсовая башня на месте – шестиствольный «Гаттас» гордо смотрит на ворота эллинга.

Колоссальная машина важно покоилась на опорах, внушая уважение одним лишь видом, и даже бомбардировщики по сравнению с ней казались недомерками.

– Драмар, что это?

– Нравится?

– А ты как думаешь?!

Раскрасневшаяся Кира была похожа на ребенка, которому сдали в аренду кондитерскую лавку.

– Когда его официально примут на вооружение, он будет называться БДР – большой дальний разведчик. Ребята из Мелепорта называют его «бродягой».

– Дальний разведчик? – Такого обозначения Кира еще не слышала.

– Мой здоровяк способен пролететь без посадки две тысячи лиг. – Накордо с гордостью похлопал паровинг по фюзеляжу. – В нем полно воды, даже в крыльях установлены дополнительные баки.

– Здорово.

– А еще предусмотрены насосы с фильтрами, так что воду можно набрать из любой реки или озера. – Драмар распахнул люк. – Прошу.

«Салон», кабина пилотов, все с виду стандартное, но одновременно непривычное. Необычные кресла – широкие и удобные, огромное, как, впрочем, и ожидалось, лобовое стекло, обтянутый кожей штурвал, все новенькое, блестящее, остро пахнущее. Рабочее место астролога увеличено вдвое, а под радиостанцию отдана добрая половина «салона».

– Радиостанция такая же мощная, как на корветах, – можно связаться с Тахасой с расстояния в четыре тысячи лиг. – У Накордо блестели глаза. – А еще мой «бродяга» – высотный разведчик! Гатов гарантирует, что он спокойно поднимется на две лиги и сможет держать эту высоту сколь угодно долго. У нас даже кислородный баллон есть!

– Ты сможешь облететь всю планету!

– Обязательно! – Мужчину распирало от эмоций, чувствовалось, что Накордо давно хотел поделиться секретом, и теперь захлебывался от восторга. – Здесь даже спальня есть!

Мужчина за руку отвел Киру в следующий за «салоном» отсек и показал привинченные к стенам койки.

– Не отель, конечно, и даже не казарма, зато можно вытянуться и отдохнуть. По очереди.

И замолчал, продолжая держать девушку за руку.

Люк задраен, в эллинге тишина, которую стерегут вооруженные до зубов десантники, – они одни, и их никто не потревожит. И маленькая койка в большом паровинге кажется самым желанным на свете ложем.

– Довольно тесно, – прошептала Кира. – Особенно вдвоем.

– Как раз вдвоем – совсем не тесно, – так же тихо ответил Драмар, нежно целуя любимую в шею. – Вдвоем хорошо.

Фуражка уже на верхней койке, строгий китель расстегнут почти наполовину – когда он успел? Кира улыбнулась и медленно ослабила узел галстука.

– «Бродяга» тебя вдохновляет…

– Меня вдохновляешь ты.

– Было бы здорово заняться любовью в полете.

– Надо подумать.

– Обязательно подумайте, коммандер.

– Обещаю, коммандер.

Китель где-то, блузка там же, юбка скользит по бедрам вниз. Обычно они не торопятся, но сейчас захлестнуло, сейчас они подростки, которые терпеть не могут длинные прелюдии, сейчас они полны страсти.

– А вы, коммандер, нетерпеливы. – Кира уселась на колени Драмара, обняла его за шею и внимательно посмотрела в темные глаза мужчины. – Я люблю вас, коммандер Накордо.

– Это признание, коммандер Дагомаро?

– Это приказ.

* * *

«Так уж вышло, что я человек самый что ни на есть обыкновенный, ничем не примечательный. Даже внешность заурядна, хотя мне неприятно в этом признаваться. Все достижения – пара научных статей да похвалы коллег. Сдержанные похвалы, говоря откровенно, поскольку по-настоящему заняться наукой у меня не получилось. Коллеги и наставники говорили, что чувствуют во мне потенциал, ждали, что он раскроется, но вышло так, как вышло, и через несколько лет я точно перейду в разряд не оправдавших надежд. Если, конечно, к тому времени это еще будет хоть кому-то интересно. Или если я ничего не изменю.

К чему нытье?

Просто хочу подчеркнуть, что я жил тихой, размеренной и незаметной жизнью, полностью поглощенный работой и мечтами, но встреча с мессером все переменила. Нет, я не стал великим, не прославился на весь Герметикон… пока, во всяком случае, не прославился, но течение времени необъяснимо ускорилось, а вокруг стали мелькать адигены и разные важные шишки, военные и гражданские. Или я стал мелькать вокруг них, это уж с какой стороны посмотреть. Поначалу, говоря откровенно, я несколько смущался и робел, но постепенно привык, и даже встреча с даром Антонио Кахлес не выбила меня из колеи.

Ну, или почти не выбила.

Это случилось через полгода после исчезновения мессера. К этому времени планеты, на которые могло выбросить «Изабеллу», были тщательно прочесаны спасательными экспедициями Астрологического флота и лингийцами. Результаты отсутствовали: ни следов катастрофы,

ни выживших. Встал вопрос: что дальше? Капитан Дорофеев собрал офицерский совет «Амуша», мы расселись в кают-компании, предполагая длинный и грустный разговор, но начать его не успели – дверь распахнулась и в помещение вошел дар Антонио.

Его появление стало сюрпризом еще и потому, что в последние годы Помпилио практически не общался с братом, и я, говоря откровенно, не ожидал, что дар Антонио примет настолько деятельное участие в поисках мессера: он лично возглавлял спасательные работы, инструктировал капитанов и даже посетил несколько планет.

При появлении дара мы, разумеется, вскочили на ноги, но Кахлес жестом приказал нам вернуться на места, медленно обвел взглядом и произнес:

– Астрологический флот считает, что «Изабелла Та» не вышла из Пустоты. – Дар Антонио старался держаться спокойно, но мы прекрасно видели, насколько сильно ударило по нему исчезновение брата. – Вы – команда Помпилио, люди, которым мой брат безусловно доверяет. Я хочу знать ваше мнение.

Признаюсь: я не сразу понял, что имеет в виду дар Антонио, но я не капитан, а вот Базза среагировал мгновенно:

– Я слишком многим обязан мессеру, чтобы прекращать поиски всего лишь через полгода, – почтительно, но очень твердо произнес Дорофеев. – Герметикон велик и, как показывает история Тринадцатой Астрологической экспедиции, надежда на благоприятный исход сохраняется.

– Как долго вы готовы искать моего брата, Базза? – тихо спросил дар.

– Столько, сколько потребуется, мессер, – уверенно ответил наш капитан.

И ни у кого из нас не возникло желания спорить. Совет закончился, едва начавшись.

– В таком случае, «Пытливый амуш» остается в вашем полном распоряжении, Базза, – произнес Антонио Кахлес и вновь обратился к нам: – Капитан Дорофеев возглавит бессрочную спасательную экспедицию, которая будет финансироваться из моих личных средств. Присоединиться к ней или нет, каждый из вас решит сам…»

Из дневника Андреаса О. Мерсы, alh. d.

Любой адигенский замок мог похвастать наличием оружейной комнаты, хранилищем хозяйского арсенала, представляющего собой причудливую смесь музейных экспонатов и новейших систем лишения жизни. Стены по традиции украшали древности: мечи, в том числе двуручные, кинжалы, булавы, секиры, боевые молоты, шестоперы и прочие холодные приспособления разрушительного действия. Между железом располагались картины и гравюры героического содержания: известные сражения, в которых принимали участие воинственные родственники хозяина замка, штурмы крепостей и наиболее известные дуэли. Современное оружие пряталось в шкафах. В основном охотничье оружие: ружья, карабины, штуцеры, с помощью которых владельцы удовлетворяли свои мужские инстинкты, и, обязательно, дуэльные пистолеты, пара или несколько пар, в зависимости от темперамента обладателя. По-настоящему боевое оружие, предназначенное не для медведя или стерча, а для людей, оставалось в меньшинстве. Правда, только в том случае, если владелец оружейной комнаты не был бамбальеро.

К примеру, в коллекции Помпилио дер Даген Тура охотничье оружие отсутствовало напрочь, а шкатулка с дуэльными пистолетами хоть и сопровождала хозяина во всех путешествиях, никогда не открывалась – соревноваться в стрельбе с бамбадао, с человеком, познав-

шим секреты Высокого искусства достижения цели, желающих не находилось. Зато все шкафы оружейной наполняли бамбады – уникальные образцы, вручную исполненные величайшими мастерами Герметикона, – к другому оружию дер Даген Тур обращался редко, как правило, в познавательных целях.

И когда Антонио вошел в оружейную, он стал свидетелем как раз такого случая: сидящий за столом Помпилио внимательнейшим образом изучал разобранный пистолет. Рядом стояли бутылка красного вина, два бокала и тарелка с сыром.

– Я не говорил, что зайду, – усмехнулся дар, прищурившись на второй бокал.

– Было очевидно, что ты решишь составить мне компанию, – негромко ответил Помпилио, не отрывая взгляда от оружия. – Что дядюшка?

– Спит.

После ужина дары и капитан дер Вигге отправились играть на бильярде, и больше хозяин замка их не видел. Однако понимал, что брат захочет пообщаться, и задержался в оружейной.

– Нашел что-то интересное? – Антонио кивнул на пистолет.

– Это галанитский «Лекой» новой модели, – неспешно ответил Помпилио, начиная медленно собирать оружие. – Рассчитан под усиленный патрон.

– Хороший пистолет?

– Зависит от стрелка, – усмехнулся Помпилио.

– Это я понимаю.

– А во всем остальном… – Дер Даген Тур резко загнал на место обойму и вскинул руку, направив оружие на стену. Все действие – меньше мгновения, меньше половины мгновения, дар увидел результат: только что пистолет на столе, и вот он указывает на цель. – У «Лекоя» большая ударная сила, но он чрезмерно тяжел – неудобно носить, неудобно стрелять. А серьезная отдача может помешать второму выстрелу; у наших, более легких, пистолетов такого недостатка нет.

– Твой вердикт?

– В нашей армии все в порядке.

– Приятно слышать. – Антонио проследил за тем, как брат возвращает «Лекой» в коробку, и негромко произнес: – Жаль, что с Лилиан так получилось.

Он предполагал, что вопрос вызовет яростную вспышку, но ошибся, ответил Помпилио достаточно спокойно:

– Мы не разговаривали больше десяти лет, брат, почему ты решил начать общение с грустной темы?

– Потому что она для тебя важна, брат, – объяснил Антонио. – Я знал, что ты неравнодушен к девушке, но и представить не мог, насколько сильно.

– Поэтому ты решил использовать ее в своих интересах?

– Я всего лишь подсказал тебе, что этот узел необходимо распутать или разрубить. – Дар помолчал. – Я ведь вижу, что только Лилиан связывает тебя с жизнью, брат, на все остальное тебе плевать.

Несколько минут Помпилио сидел молча: голова опущена на грудь, глаза закрыты, дыхание мерное. Могло показаться, что он задремал, но Антонио понимал, что брат погрузился в непростые размышления.

– О нас с Лилиан тебе Теодор рассказал? – произнес наконец Помпилио.

– Она сама.

– С чего бы?

– Известие о твоем исчезновении повергло Лилиан в шок. – Дар добавил себе вина, подумал, поднялся и наполнил бокал брата. – Она ужасно переживала, но по понятным причинам не могла никому излить душу. У нее ведь никого не осталось…

– Я знаю.

– Одним словом, получилось так, что мы много общались. – Антонио погрел бокал в руке. – Не могу не одобрить твой выбор, брат: Лилиан красива, умна…

– Ты забыл маленькую деталь, брат: она вышла замуж за Фредерика.

– Не нужно ее обвинять.

– Я не обвиняю, – вздохнул Помпилио. – Наверное, поэтому и злюсь: я не могу обвинять Лилиан в том, что она сделала. – И пронзительно посмотрел на брата: – Но что делать мне?

Боль – вот что увидел Антонио во взгляде брата. Невыносимую боль потерявшего все человека. Антонио увидел то, что ожидал. Для того он и пришел: чтобы увидеть и постараться помочь.

– А что ты намеревался делать, когда узнал, что Лилиан собирается замуж? – осведомился дар. – Тогда, на Заграте?

– К концу нашего путешествия Лилиан изменила решение.

– Ты с ней говорил?

– Я видел.

Дер Даген Тур улыбнулся. Против воли. Потому что вспомнил, как Лилиан смотрела на него: во дворце, на «Амуше». Вспомнил, как стояли они рядом. И как присутствие одной-единственной женщины переворачивало весь мир. Главной женщины.

– Допустим, – не стал спорить дар. – Но представь, что ничего не изменилось. Твои действия?

– Тогда все было просто, – пожал плечами Помпилио. – Я предполагал посетить Каату и поговорить с Фредериком: или он уходит с дороги, или дуэль.

– Что изменилось?

– Я изменился.

– Уверен? – Антонио покачал головой. – Ты переживаешь непростое время, брат, но ты все равно тот самый Помпилио, которого я знаю с детства. В противном случае ты уже вскрыл бы себе вены.

И этот удар достиг цели: пробил выстроенную защиту и вывел дер Даген Тура из равновесия.

– Зачем ты явился?! – сжав кулаки, выкрикнул Помпилио.

– Поговорить.

– О Лилиан?

– О тебе.

– Я согласился лететь на Кардонию, ты пристроил меня к делу. Развеселил. Что еще? Советы? Соболезнования? Что еще я должен выслушать?

Он не жаловался, не собирался жаловаться и не искал жалости. Он потерял все и начал потихоньку выбираться из ямы. Сам выбираться, кряхтя и стискивая зубы. Он не жаловался и не просил, он готовился драться с судьбой и готов был возненавидеть любого, кто осмелился бы полезть к нему в душу.

И потому следующая фраза Антонио поразила дер Даген Тура прямо в сердце.

– Я испугался, – глухо произнес дар, и ошеломленный Помпилио умолк. – Последний раз я боялся в детстве – боялся заблудиться на охоте, но вскоре это прошло. С тех пор я ничего не боялся, и вот – испугался потерять тебя. Мы не общались – да, но ты был. Я читал о твоих приключениях, я с гордостью говорил, что ты мой брат. И несмотря на все твои безумства, я не верил, что ты уйдешь первым. Ты на десять лет младше, ты должен меня пережить – это нормально. Когда я узнал, что тебя нет, мир стал другим. Я испугался. – Дар поставил бокал на стол и поднялся. – Собственно, это все, что я хотел сказать. Спокойной ночи.

– Он предложил дуэль, – произнес Помпилио, прежде чем Антонио повернулся к нему спиной. Произнес громко, намеренно выделив местоимение «он». – Он, не я.

– Что?

– Это была идея Маурицио.

И дар медленно вернулся в кресло.

Он понял, что пришел не зря и сделал все правильно, понял, что услышит ответную исповедь. Услышит рассказ о том, как много лет назад в замке Гларден Помпилио убил их брата. Их Маурицио, решившего претендовать на трон и поставившего дарство Кахлес на грань гражданской войны. Помпилио предотвратил кровопролитие, защитил закон, но с тех пор избегал Антонио.

– Я надеялся переубедить Маурицио, мы говорили всю ночь, но он стоял на своем.

– Он был упорен, – прошептал Антонио.

– Упрям, – уточнил Помпилио. – Под утро, когда мы оба поняли, что разговор зашел в тупик, Маурицио сказал, что я не прав и дело идет к дуэли. А я сказал, что раз он чувствует себя оскорбленным, то должен выбрать оружие. – Пауза. – Маурицио выбрал сабли.

Потому что к тому времени младший Кахлес уже несколько лет познавал тайны Хоэкунса.

– Маурицио был хорошим фехтовальщиком, – грустно улыбнулся дар.

– Отличным, – подтвердил Помпилио.

– Гораздо лучше тебя.

– Когда Маурицио выбрал сабли, он не оставил мне выбора, – твердо произнес Помпилио. – Маурицио был готов убивать за свою власть, но не был готов умирать. Он стал бы очень плохим даром.

– Но он был великолепным фехтовальщиком, – повторил Антонио. – Как ты победил?

– Я знал, как Маурицио будет сражаться, – угрюмо ответил Помпилио. – Он ведь любил меня и не хотел затягивать дело.

И перед глазами Антонио встала картина старой дуэли: тронный зал замка Гларден дремлет в предрассветных сумерках, кресла и маленький столик, за которым братья сидели всю ночь, сдвинуты к стене, на них валяются месвары, а Помпилио и Маурицио, одетые лишь в брюки, сапоги и сорочки, стоят друг перед другом с саблями наголо. Похожие так, что щемит сердце. Принявшие решение убивать, и от этого тоже щемит. Братья ждут сигнала, которым стал первый луч солнца.

– Я знал, что сначала будет финт и лишь потом – смертельный выпад, – продолжил Помпилио. – Поэтому не среагировал на первый удар, ушел от второго и уколол Маурицио в сердце. Так было.

Первый луч даже опомниться не успел. Не пробежал по всем окнам, не поиграл с хрусталем тяжелой люстры, не подмигнул позолоченному трону. Первый луч лишь выглянул, а по мраморном полу уже растекалась кровь.

– Десять лет я вспоминал эту историю каждый день. Десять лет я спрашивал себя, правильно ли поступил? Десять лет видел кровь на своих руках, но во время катастрофы я потерял память, а когда она вернулась, выяснилось, что боль ушла, перестала жечь мне душу. Я наконец принял то, что сделал. – Помпилио улыбнулся. – Когда память вернулась, первая моя мысль была о Лилиан.

– А если бы Маурицио выбрал пистолеты? – тихо спросил Антонио.

Если бы показал, что готов умереть за идею? Показал себя настоящим даром?

– Не знаю, – спокойно ответил Помпилио. – Но это не важно, брат, потому что Маурицио выбрал сабли.

– Спасибо за прямоту, брат.

– Налей мне еще вина. – Помпилио криво усмехнулся. – Я рад, что мы наконец разговариваем.

* * *

– Оружие?

– Проверено, – мгновенно ответил Бабарский, преданно глядя на руководство снизу вверх.

– За состояние отвечают стрелки и Бедокур, – холодно напомнил Дорофеев, «забыв» о том, что по боевому расписанию ИХ исполнял обязанности пулеметчика. – Меня интересуют боеприпасы.

– Полный комплект, – заверил начальство суперкарго. И шмыгнул носом, продемонстрировав, что болезни не дремлют.

– Допустим. – Капитан поставил галочку напротив очередной графы. – Продовольствие?

– Длительного хранения завозят. – Бабарский кивнул на стоящий у ворот эллинга паротяг. – А свежие доставим на борт за три часа до отправления.

Опустошение здоровенного кузова шло по-муравьиному сноровисто и деловито: цепочка грузчиков споро перетаскивала ящики, мешки, свертки и бидоны в чрево «Амуша», где их встречал озабоченный кок.

– Допустим.

Несмотря на не самый высокий рост, Базза выглядел на фоне маленького и пухленького ИХ настоящим гигантом: сказывались плотное сложение и широкие плечи. Одевался капитан обыкновенно – в темно-синий повседневный мундир офицера Астрологического флота, а самой примечательной его приметой был жуткого вида шрам, обезобразивший левую сторону лица Баззы и придававший ему весьма устрашающий вид.

Дорофеев нарисовал в ведомости еще одну галочку и продолжил:

– В прошлом походе у команды были жалобы на обмундирование. Не всем хватило комбинезонов.

– Не всем хватило новых комбинезонов, – поправил капитана ИХ. – Теперь все в порядке.

– Ты закупил обмундирование? – удивился Базза.

– Нет, просто счастливчики поистрепали обновки.

Но шутка не удалась: при подготовке к походу у капитана напрочь исчезало чувство юмора.

– ИХ!

– Всем, кому нужно, достались новые комбинезоны, – доложил суперкарго.

– А что с судовой кассой?

– Судовая касса всегда в порядке, капитан, – широко улыбнулся Бабарский. – Можете организовать проверку в любое время дня и ночи. – Взгляд маленьких глаз ИХ был настолько честен, что любой на месте Дорофеева устыдился бы. Но Базза хорошо знал своего суперкарго, чтобы доверять невинному взгляду. – Вам не кажется, что здесь ужасный сквозняк?

– Сквозняк тоже проверим, – рассеянно пообещал капитан, ставя галочку в графе «судовая касса». И пометку: «Ревизия вечером».

– Заявки начальников служб удовлетворены?

– Так точно. – ИХ чихнул. – Полностью.

Каждая служба, ну разве что за исключением ведомства Бедокура, была представлена на «Амуше» в единственном лице: один медикус, один алхимик, один астролог, один радист. Однако Дорофеев по-уставному именовал их «начальниками».

– То есть сейчас я буду выслушивать жалобы?

– Они всегда жалуются, – пожал плечами Бабарский.

– Гм… Пожалуй.

Длина исследовательского рейдера превышала триста метров, высота – сорок, при соответствующей ширине. Добавьте торчащие рули, необходимость технического зазора – цеппель не может войти в эллинг впритык, надеть его на себя, как свитер, – и вы поймете размеры «домика», который выстроил для любимого «Амуша» владетель Даген Тура. Колоссальное строение располагалось в полулиге от вокзала, но все равно затмевало его, превращало в скромное, едва заметное сооружение, что-то вроде собачьей будки, выстроенной у крыльца настоящего дома.

Снаружи эллинг походил на тщательно обтесанную скалу и не вызывал особенного удивления у местных горцев. Другое дело – изнутри. Впервые оказываясь в чреве гигантского строения, все дагентурцы ошарашенно запрокидывали головы, стараясь разглядеть находящуюся на невероятной высоте крышу, чесали затылки и обменивались изумленными замечаниями, смысл которых сводился к тому, что раз люди научились создавать таких исполинов, мир действительно изменился. А уж когда внутри оказывался «Амуш», чувство нереальности происходящего усиливалось многократно. Трехсотметровая сигара, важно дремлющая внутри рукотворной скалы, вызывала в памяти легенды о драконах, и неизбалованные зрелищами дагентурцы толпами валили в эллинг, желая лично поглазеть на чудо современной техники. И отказа не знали: Помпилио разрешал подданным заходить в любое время и даже дозволял осматривать «Амуш» изнутри. Но только не в те дни, когда экипаж проводил плановые работы или готовился к путешествию.

– Осторожнее, чтоб вас всех в алкагест окунуло! – заорал Мерса, услышав тяжелый стук. – Это не вода, а королевский уксус!

– Так ведь тяжело, – пожаловался один из грузчиков.

– Это мне с вами тяжело, а вы на работе. – Алхимик обошел громоздкую стеклянную емкость, которую грузчики неаккуратно извлекли из кузова паротяга, убедился, что толстые стенки не повреждены, и с облегчением выдохнул: – Пронесло.

– А что было бы? – осведомился самый молодой из грузчиков.

– Ничего не было бы, – ответил Мерса.

– Ну вот…

– Тебя не было бы, идиота, приятелей твоих не было бы, меня…

– Как это? – растерялся молодой.

– А вот так, чтоб тебя в алкагест окунуло с головой, это королевский уксус, понял? – Алхимик постучал костяшками пальцев по толстенному стеклу емкости. – Триста литров самого ядовитого вещества на свете, способного растворить все, что угодно. Испарения от него такие, что сначала мы выхаркали бы легкие, а потом превратились в белковые лужицы.

Физиономии грузчиков вытянулись. Добавлять королевский уксус в кузели требовалось нечасто, и его опасные свойства местным известны не были. Во всяком случае, этим местным.

– Так что тащите предельно осторожно, – закончил алхимик.

Объявление предполетных работ превратило эллинг в муравейник: грузчики, механики, ремонтники, шум, гам, гудение приборов, а в самом центре тщательно продуманного хаоса – капитан Дорофеев, спокойный, как спящая пришпа, но мистическим образом замечающий все детали происходящего.

– Мерса!

– Да, капитан?

Однако к Дорофееву алхимик не повернулся, продолжая с преувеличенным вниманием следить за движениями грузчиков.

– ИХ исполнил ваши заявки?

– Так точно, капитан.

– Все?

– Да.

– Алхимическая служба готова к полету?

– Так точно.

Разговор затягивался, и оставаться спиной к непосредственному начальнику становилось все сложнее. В конце концов, такое поведение нарушало элементарные нормы вежливости, и Дорофеев решил напомнить об этом:

– Мерса!

Алхимик вздохнул и неохотно повернулся.

– Извините, капитан.

И услышал ожидаемое:

– Ужасно.

– Согласен, – вякнул выросший из-под земли Бабарский. И ехидно добавил: – Олли, ты видел, что у тебя с лицом?

– Я с ним проснулся, – мрачно сообщил Мерса. – И это, знаете, неприятно, чтоб меня в алкагест окунуло! Энди должен просыпаться с разбитой физиономией и с удивлением узнавать, что натворил вчера. Энди, а не я! А потому я зол и чувствую себя полным идиотом.

Алхимик и так-то не был красавцем: невысокий, худощавый, с тусклым лицом, главной приметой которого был большой мясистый нос, нависающий над узким подбородком. Нос привлекал внимание в первую очередь, и только потом люди замечали серые бусинки глаз, прячущиеся за круглыми очками, и резко очерченные губы, лишь теперь перед ними появлялось собственно лицо, как единое целое. Однако сейчас на физиономии Мерсы появился еще более заметный, нежели нос, элемент: роскошный синяк, охватывающий всю правую скулу алхимика.

– Посмотрите на себя, Мерса, – вздохнул Дорофеев. – Вы – офицер, неужели непонятно, что недопустимо являться перед нижними чинами в таком виде? Откуда у вас синяк?

– Подозреваю, что он… в смысле я, не устоял на – ногах.

– Галилей затеял «вышибалу» в «Золотом дубе», – сообщил Бабарский. – Я, разумеется, не участвовал: у меня твердые моральные принципы, хроническая травма спины и колена.

– Кого вышибали?

– Команду «Дер Каттера».

– Военных? – Дорофеев едва заметно улыбнулся, но продолжил строго: – Мерса, разве вам не рассказывали, что в «вышибалу» положено играть только нижним – чинам?

– Мне трудно оправдываться, капитан, поскольку самое интересное я пропустил, – нашелся алхимик. – Но я уверен, что Энди пытался отказаться. Я его немножко знаю.

– Отказываться следовало энергичнее… Бедокур!

Здоровяк высунулся наружу с невинной целью: посмотреть, как грузчики справляются с опасной уксусной емкостью. Увидев капитана, Чира немедленно сдал назад, но ускользнуть от зоркого взгляда Дорофеева не – сумел.

– Мы как раз обсуждали вчерашние события, Бедокур, прошу вас, присоединяйтесь.

Шифбетрибсмейстер вздохнул, подошел ближе и прошамкал:

– Ижвините, капитан, мне тружно шевелить челюштью.

Разрушений у Чиры было куда больше, чем у алхимика. Помимо двух синяков и крупной ссадины Бедокур щеголял свежим шрамом на запястье, разбитыми губами и распухшими костяшками пальцев. Плюс к этому – не очень уверенные движения. Однако в отличие от Мерсы Чира носил свои знаки с достоинством, был бодр и пребывал в отличном настроении.

– Не хотите рассказать о чем-нибудь?

– Вам дейшвительно интерешно? – прищурился шифбетрибсмейстер.

– Да, – кивнул Базза.

– Вы не поверите, капитан, я впервые вштретил доштойного противника, – с воодушевлением поведал Чира. – Хотя ничего не предвещало вштречи. Вше жнаки говорили, что будет легко.

Дорофеев поджал губы.

– Глыба Штокман окажался наштоящей глыбой. Выдержал шешть ударов.

– А вы?

– Шоответственно – пять. На шештой Глыбы не хватило.

– Рад за вас.

– Мы не имели права отштупать перед походом, капитан, это плохая примета, – со всей доступной ему серьезностью произнес шифбетрибсмейстер. – Перед Пуштотой нельжя боятьша.

– К Хасине обращались?

– Он ш утра в жамке.

– А где Галилей? – вспомнил Дорофеев.

– Прячется, – хихикнул Бабарский.

– И правильно делает, – проворчал Бедокур. – Это он жатеял «вышибалу».

Попасть на огромную, размером с пастбище, крышу эллинга можно было только одним способом: по металлической пожарной лестнице, скобы которой шестидесятиметровой линеечкой протянулись по западной стене. Лазать по «пожарке» просто так, не по делу, желающих не находилось, даже мальчишки не рисковали взбираться на невозможную высоту, а потому Квадрига пребывал на крыше в полном одиночестве.

Он лежал на раскалившемся от солнца металле, но не замечал жара. Он вообще ничего не замечал.

Невидяще смотрел астролог в лингийское небо, но видел не бездонную лазурь и легкие облака, а то, что скрывалось далеко-далеко за ними.

Пустоту видел Галилей, лежа на крыше эллинга. Великое Ничто, через которое водил цеппели. Бесконечное серое, привлекательное и пугающее. Оглушающее пространство, где таились ужасающие Знаки, прикосновение к которому дарило астрологам боль и наслаждение.

– Мы скоро увидимся, – прошептал Квадрига, закрывая глаза. – Очень скоро.

* * *

Господь создал людей свободными.

Посланцы Его – Добрые Праведники – не уставали повторять эту максиму и добились того, что ее запомнили все. Свободными. Свободными не благодаря кому-то, а по определению, потому, что так хочет Бог. Точка. А затем Добрые Праведники передали дарованную Богом власть Первым Царям, которых еще через сто лет сменили адигены. А максима любой власти – ограничение свободы.

Получается, Добрые Праведники нарушили один из главных постулатов Бога?

Первым эту крамольную мысль высказал тинигерийский священник Иеробот и даже успел организовать движение за возвращение к истокам, получившее большую популярность у простолюдинов – ведь Иеробот призывал к уменьшению влияния адигенов и Церкви на повседневную жизнь. Что именно приключилось с Иероботом и его последователями, которых стали называть нердами, на Тинигерии предпочитали не уточнять, но редкие вспышки аналогичных заблуждений на ней и других планетах Ожерелья с тех пор гасились весьма оперативно – адигены не допускали их превращения в подобие пожара или хотя бы костра. И весьма преуспели, поскольку следующий удар по основам Олгеменической церкви был нанесен спустя несколько столетий. Зато удар этот оказался весьма серьезным.

Набирающие силу анархисты быстро поняли, что на победу может рассчитывать лишь та идея, которая наступает широким фронтом, вторгается во все сферы жизни простого человека,

и в том числе – в его душу. В его религию. И древнее учение Иеробота обрело вторую жизнь, куда более известную, чем первая.

Надо отдать анархистам должное: прекрасно понимая, что попытка потрясти Церковь вызовет жестокие ответные меры, подготовились они предельно тщательно и выступили во всех крупных мирах одновременно, организовав вошедшее в историю «Смущенное воскресенье». Пропагандисты врывались в храмы и вступали в ожесточенные споры со священниками, устраивали митинги на улицах и площадях, распространяли прокламации, обвиняя Церковь во лжи и предательстве. Месть разгневанных адигенов была беспощадной: всех арестованных анархистов приговорили к длительным каторжным работам, и все они – до последнего человека – умерли на этих работах, став мучениками нового-старого движения нердов. Однако посеянные ими зерна сомнений дали всходы. Не могли не дать, поскольку кровь всегда считалась лучшим удобрением.

– Как в старые добрые времена, да? – Шо Сапожник отрезал от плитки жевательного табака изрядную порцию и сунул ее в рот, отчего следующая фраза прозвучала невнятно: – Прямо мурашки по коже от предвкушения.

– Почему «старые времена»? – не понял Лайерак. – Мы работали всего пять месяцев назад.

– Последние акты были однообразны, – хмыкнул Шо. – Рутина. А нынешний контракт хорош, ипать мой тухлый финиш, есть возможность импровизировать. – Сапожник выдержал короткую паузу. – Как раньше, чтоб его.

– Пожалуй, – согласился Отто. – Здесь мы сможем развернуться.

– Как раньше, да?

– Да, Шо, как раньше.

Лайерак улыбнулся, потрепал помощника по плечу, но про себя отметил, что раньше, «в старые добрые времена», Сапожник не был таким болтливым. И не прикладывался столь часто к бутылке – запах бедовки Отто уловил даже сквозь вонь жевательного табака.

– И штучки нам выдали классные, чтоб их, – продолжил Шо. – Тебе небось как бальзам по сердцу, да?

– Да, – коротко подтвердил Лайерак. – Как бальзам.

«Штучки» – обещанное заказчиком снаряжение и оружие – действительно оказались классными. Великолепными. Идеально подходящими такому мастеру, как Отто. Оружие разработал настоящий гений, и Лайерак влюбился в удивительные «штучки» с первого взгляда, а после тренировок, окончательно осознав их возможности, стал в буквальном смысле дергаться, нетерпеливо дожидаясь возможности опробовать оружие в настоящем деле. А еще ему казалось, что знаменитый Гатов ухитрился прочесть его, знаменитого Огнедела, мысли и воссоздал в металле самые фантастические мечты Лайерака.

– Они такие компактные, – продолжил тем временем Шо.

– Ага.

– Удобные.

– Ага.

– Но шарахнут как следует.

– Я знаю.

– Повеселимся!

– Ага.

Сапожник храбрился, очевидно храбрился, в действительности нервничая перед акцией. Глаза горят, голос бодрый, но обмануть Огнедела Шо не мог. Лайерак видел подрагивающие пальцы, чувствовал запах бедовки и пота. Да, они сидели в закрытом фургоне, одетые в плотные кожаные плащи, с пристегнутым поверх снаряжением. Да, на Кардонии лето, и ночь не при-

несла особенной прохлады. Да, жарко. Но никогда раньше, даже на пустынной Миделе, Сапожник не потел перед акциями. Никогда. И не болтал как заведенный.

«Похоже, Шо, нам придется расстаться…»

Жалости Огнедел не испытывал – так, легкая грусть. Сапожник был не первым помощником, которому предстояло уйти в никуда. Правда, Шо продержался долго – шесть лет, и Отто успел к нему привыкнуть, но привычки Лайерак менял так же часто, как имена – это был вопрос выживания.

– Люблю нашу работу.

– Я вижу.

Всего Огнедел привез на Кардонию четырнадцать парней. Отбирал самых опытных, привыкших работать в больших городах, и самых умных, поскольку контракт подразумевал целый ряд акций, в перерывах между которыми следовало водить за нос полицию. Жили ребята по двое-трое, чтобы не привлекать внимания, а перед акциями собирались в пятерки. Сегодня работала первая группа, следующую проведет вторая, затем третья – чтобы не примелькаться. Сам Отто планировал принять участие во всех операциях, но он – наособицу, он слишком умен и опытен, чтобы позволить полицейским испортить потеху.

– Я давно понял, что ты – артист, – неожиданно произнес Шо. – Великий артист… Или режиссер. Да, скорее – режиссер. Но артист тоже, чтоб меня.

– О чем ты говоришь? – поморщился Лайерак, но подумал, что сравнение, пожалуй, лестно.

– Все твои акции – как великие театральные постановки. Ты выверяешь каждую деталь, выстраиваешь мизансцену, готовишь публику, потом выходишь и устраиваешь кульминацию. И мне лестно, что рядом с тобой на сцену выхожу я. – Сапожник отодвинул деревянную ставню, изнутри закрывавшую зарешеченное окно фургона, и выглянул наружу, разглядывая тускло освещенный порт. – Вступление: мы ждем сигнала. Ждем, когда ребята отвлекут охрану.

Перед тем как заговорить, Шо посмотрел на часы, и когда он заканчивал фразу, со стороны дальних складов донеслись звуки перестрелки.

Лайерак улыбнулся.

А Сапожник продолжил. Складывалось впечатление, что он читает вслух несуществующее либретто:

– Увлеченные стражники со всех ног мчатся на выстрелы, торопятся спасать склады, а на главной сцене появляется Кэмерон.

Умение водить автомобиль было не главным талантом их шофера – Кэмерон превосходно управлялся с пистолетами и в очередной раз продемонстрировал свое умение, хладнокровно расстреляв охранявших ворота матросов. Сдавленные глушителем выстрелы не привлекли ненужного внимания, а мигнувший один раз фонарик показал сидящим в фургоне мужчинам, что путь свободен.

– Наш выход, Шо.

– Я прав? Ты чувствуешь себя артистом?

– Чувствую.

– Я знал! Ипать мой тухлый финиш: я знал!

– Маску не забудь.

На спине у каждого террориста висело по два массивных баллона, шлангами соединенные с длинными распылителями с пистолетными рукоятями, – усовершенствованные Гатовым армейские огнеметы. Главное новшество заключалось в удивительной смеси, приведшей Лайерака в совершеннейший восторг. Летела смесь далеко, горела долго и жарко, прожигая дерево, расплавляя железо и проникая в самые маленькие щели. Ерундовый побочный эффект – смесь оказалась весьма ядовита, а потому мужчинам пришлось натянуть на лица защитные маски.

– Сделаем им красиво? – Голос из-под респиратора звучал так же невнятно, как когда Сапожник жевал табак, но Отто понял помощника.

– Охотно.

– Хотел бы я посмотреть на представление из партера.

– Мы артисты, а не зрители.

Целью Огнедела были две пришвартованные к дальнему пирсу канонерки – низенькие тихоходные кораблики устаревшего образца, главными достоинствами которых выступали стодвадцатимиллиметровые орудия. Помимо них на лодках стояли пулеметы и тридцатичетырехмиллиметровые автоматические пушки, превосходно зарекомендовавшие себя в борьбе с пиратами Жемчужного моря, но на Отто вся эта мощь не производила никакого впечатления – воевать с канонерками он не собирался. Он планировал их уничтожить.

СКРИИИИ

ST. MARINE

Корабли пришли в Унигарт утром – закончили патрулирование Барьерной россыпи, команды веселились в кабаках, и на борту оставались лишь вахтенные. Которые не сразу поняли, что происходит и что за люди неспешно приближаются к лодкам. Почему они в плащах и что за странные конструкции торчат из-за плеч.

– Что там творится?

Действо у складов достигло кульминации: грохот револьверных выстрелов превратился в непрекращающуюся барабанную дробь.

– Кто-то напал на склады! – крикнул в ответ Кэмерон.

Шофер, успевший натянуть матросскую шапочку, держался позади.

– Зачем?

– Чтобы отвлечь внимание!

– От чего? – осведомился туповатый вахтенный и услышал:

– От нас!

В полной темноте выстрел из огнемета выглядит удивительно красиво. Раскаленная струя с шипением чертит желтую, до белизны, дугу и мощным потоком бьет в цель, расплескивается, растекается и сразу же поднимается огненной завесой.

Лодки террористы распределили заранее, Шо ударил в надстройку правой, а Лайерак шарахнул по корме левой, специально прицелившись так, чтобы зацепить вахтенного.

– А-а-а!!

Превратившийся в факел матрос заметался по палубе, а вот вахтенный второго корабля оказался смышленым – молча бросился за борт, даже не попытавшись оказать сопротивление.

– У-у!!

Маска мешала говорить, и возбужденный Шо глухо орал, выражая охвативший его восторг.

Пламя ярко осветило пирс и террористов.

– Давай! – не удержался от вопля Отто.

«Ы-ай!» – донеслось из-под маски, и следующий выстрел, опустошивший второй баллон огнемета, пришелся в надстройку.

– Великолепно, – восхищенно прошептал Лайерак. – Великолепно.

– У-у-у! – надрывался Сапожник.

– А-а-а!!! – вторил ему еще живой вахтенный. Точнее – факел вахтенного, мечущийся по гибнущей канонерке.

Корабли пылали. Жидкий огонь пробрался внутрь и разгонял теперь бешеный танец гудящего пламени. Горело все, что могло гореть, а остальное плавилось под натиском удивительной смеси. Будь ее больше – канонерки попросту растворились бы, с шипением уйдя под воду, а так они превратились в потрескивающие дрова. Глазницы-иллюминаторы переполнены оранжевым, жар становится нестерпимым, сбросившие баллоны террористы отступили к берегу, но не убежали, остановились, наслаждаясь творением своих рук.

– А вот теперь я с тобой соглашусь: как в старые добрые времена, – проворчал Отто, стягивая маску.

Дышать было трудно – едкий дым драл горло, но с открытым лицом Лайерак чувствовал себя увереннее.

– Ипать мой тухлый финиш, я никогда не видел такой смеси, – прошептал Сапожник. – Она не просто устраивает пожар, она жрет все, до чего дотянется!

– Как раз сейчас она дотягивается до крюйт-камер, – усмехнулся Огнедел.

И через мгновение, подтверждая слова террориста, прозвучал первый взрыв.

Глава 4
в которой Абедалоф загадывает загадку, Дорофеев погружается в прошлое, а Кира познает интересы боя

– Астролог!

– Да?

– Что «да», кретин? – громко рассмеялся Абедалоф. Без зла рассмеялся – весело, продемонстрировав окружающим отличное свое настроение. И ругательство Арбедалочик отпустил с неимоверной легкостью, в которой полностью утопил его оскорбительную суть. – Что «да»? Координаты давай!

– Вям! – осуждающе тявкнул устроившийся на могучих руках хозяина саптер.

– Все в порядке, Эбни. – Абедалоф погладил любимца по голове. – Наш астролог уже понял, что ошибся, и все поправит.

– Две минуты, господин директор! – прокричал из своего угла провинившийся офицер. – Две минуты!

– Вям!

Капитанский мостик доминатора «Заскармазам», в полном соответствии с галанитскими принципами строительства цеппелей, был объединен с астрологическим кабинетом и радиорубкой, и потому Арбедалочик прекрасно видел и слышал склонившегося над картой астролога. А все находящиеся в рубке цепари прекрасно видели широченную улыбку директора-распорядителя и едва сдерживались, чтобы не ответить, – так заразительно улыбался Абедалоф.

– Вижу Корявый вулкан, – доложил рулевой, позволив себе повернуться, чтобы бросить взгляд на директора. В Арбедалочика, нисколько не кичившегося высочайшим своим положением в Компании, была влюблена вся команда, и рулевому было приятно, что именно он доставил директору долгожданную весть.

– А! Слышали? Я чувствовал, что приближаемся!

– Вям!

Спорить с директором-распорядителем никто не стал.

Абедалоф же взмахнул нераскуренной сигарой и подскочил к рулевому:

– Направление?

– Одиннадцать часов, господин директор.

– Все правильно…

– Вям!

– Астролог?

– Мы в точке, господин директор.

– Все слышали?!

– Так точно!

– Конечно.

– Вям!

– Да, Эбни, да: я, как всегда, не ошибся. Я все сделал вовремя, правильно, а потому им снова придется признать мое превосходство.

Придется признать. И не только потому, что Абедалоф «сделал вовремя и правильно», просто, несмотря на присутствие капитана, главным на мостике «Заскармазама» был именно Абедалоф Арбедалочик, директор-распорядитель проекта «Кардония», молодой мужчина – не старше тридцати, – которого всемогущие директора-наблюдатели назначили главным представителем Компании на планете, наделив колоссальными полномочиями и колоссальной же

ответственностью. Потому что теперь молодой мужчина лично отвечал за то, чтобы Кардония оказалась под властью Компании.

Вся Кардония под безграничной властью Компании, не больше и не меньше.

Арбедалочик был высок и широкоплеч, сложен гигантом, а точнее – рыцарем, сказочным героем, изображения которых украшали страницы детских книг. Массивный, но в то же время ловкий, энергичный, дышащий силой и здоровьем, Абедалоф привлекал внимание и мужчин и женщин. Особенно женщин, поскольку, помимо силы и здоровья, обладал притягательной для трепетных дамских сердец внешностью: квадратный подбородок, выдающий записного упрямца, полные губы, так много обещающие девицам, загадочная родинка на левой щеке, прямой нос, густые каштановые кудри и темные глаза, в которых никогда не гас веселый огонек. Арбедалочик любил говорить громко, но его бархатистый голос звучал необычайно приятственно, а потому эта привычка Абедалофа окружающих не раздражала, скорее привлекала и помогала директору оказываться в центре внимания любого общества. Если он того хотел, разумеется.

Как все разбогатевшие выходцы из низов, одевался Абедалоф «богато», то есть крикливо: дорогущие, исключительно модные костюмы, шитая на заказ обувь и тяжеловесные украшения. Но внешность и природное обаяние позволяли нивелировать издержки воспитания. Страсть к длинным ароматным сигарам считалась «аристократической» привычкой – ими увлекались многие бонзы Компании, а вот любовь Арбедалочика к саптерам – редчайшим карликовым собачкам – объяснению не поддавалась. Саптеров таскали с собой богатые дамочки средних лет, и видеть ухоженное по всем правилам существо в здоровенных ручищах директора-распорядителя было по меньшей мере странно.

– Итак, мы в точке… – Абедалоф подошел к боковому окну и посмотрел вниз, на спокойный Банир. – Это хорошо.

– Вям! – подтвердил Эбни.

– Тебе тоже нравится?

– Вям!

Тонкое вяканье директорского любимца раздражало команду, несмотря на всеобщую любовь к Арбедалочику. Но указывать собачке, а уж тем более ее хозяину на неподобающее поведение никто не рисковал. Что же касается лужиц, которые саптер периодически оставлял по всему цеппелю, так они молниеносно вытирались палубными.

– Капитан, пожалуйста, двенадцать лиг строго на юго-запад от вулкана, – распорядился Абедалоф. – И стоп-машина.

– Слушаюсь.

– Мы стремились сюда? – удивленно осведомился Руди Йорчик, отнимая от глаз бинокль. А в следующий миг неделикатно рыгнул, продемонстрировав последствия правильного времяпрепровождения путешественника первого класса. Напивался Йорчик в одиночестве, в своей каюте: всем говорил, что его укачивает и именно поэтому он вынужден рано ложиться спать, однако мешки под мутными глазами, очевидная головная боль и жадное поглощение холодной воды доказывали, что сон приходил не сразу.

– Совершенно верно, – рассеянно подтвердил Арбедалочик, продолжая разглядывать волны. – Слово – скаута.

– Неожиданно.

– Не сомневаюсь.

Руди поджал губы, Абедалоф широко улыбнулся, Эбни наклонил голову, но тоже промолчал, капитан и астролог дружно прикидывали, где должен зависнуть цеппель, рулевой исполнял, все были при деле.

– Профессор, я ведь предупреждал, что перед выставкой нам придется немного попутешествовать.

– Я помню, директор.

– Это и есть путешествие.

– Мотаться над океаном?

Морской болезнью Руди не страдал, но симптомы ее по утрам ощущал весьма явственно, и даже легкая болтанка казалась ему жутким штормом.

– Что может быть веселее, чем путешествие над огромным океаном? – жизнерадостно осведомился Абедалоф.

– Ну…

Даже сейчас, с тяжеленной головой, Руди мог не напрягаясь составить директору длинный список увлекательных поездок, но не успел.

– Приятный путь из Бей-Гатара в Йоргидург, карточный стол в кают-компании белоснежного лайнера, друзья и женщины, не так ли?

Йорчик порозовел.

– Мы на краю Вселенной, Руди, в неизведанных землях, которые должны стать нашими, и океан, который вызывает у вас угрюмое раздражение, – тоже должен стать нашим. Все вокруг должно стать нашим, и потому мы совершаем необычайно веселое путешествие: мы изучаем свою недвижимость.

– Вям! – высокомерно тявкнул Эбни.

Капитан усмехнулся, и Йорчик в очередной раз оставил последнее слово за Абедалофом. Чувствуя себя если не униженным, то уж точно задетым.

Потому что Рудольф М. Йорчик давно привык к выказываемому собеседниками уважению. Потому что значительность профессора Ибельского университета, действительного члена Галанитской Академии Наук и владельца знаменитой компании «ЙГ Механика» признавали даже директора-наблюдатели, и именно один из них, Шаредовез Марочик, предложил Йорчику совершить вояж на Кардонийскую выставку. Лично предложил, во время приватного ужина, значимость которого подчеркивалась неофициальностью. Руди, который и так собирался в Унигарт, обрадованно согласился, и лишь на борту «Заскармазама» догадался, что его, знаменитого профессора и промышленника, приставили в качестве ученого консультанта к неотесанному и плохо образованному Арбедалочику, не пойми отчего назначенному директором-распорядителем. При этом Арбедалочик не просто не испытывает к нему никакого уважения, так еще и не считает нужным советоваться с одним из умнейших галанитов и не делится своими планами. «Заскармазам» прибыл на Кардонию четыре дня назад, глубокой ночью, но в Унигарте, к удивлению Йорчика, доминатор не задержался, сразу взял курс на северо-восток и с тех пор болтался над бескрайним Банирским океаном, отыскивая интересующее Арбедалочика место. Что за место, почему оно так важно – никаких объяснений. Проклятье! Даже с рядовыми цепарями, с грязными палубными этот, с позволения сказать, «директор-распорядитель» ведет себя куда приветливее, чем с великим ученым! С цепарями Абедалоф шутит, смеется и даже позволяет называть себя старой кличкой – Везунчик. Надо же! Хотя, если вдуматься, Арбедалочик и в самом деле везунчик…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.